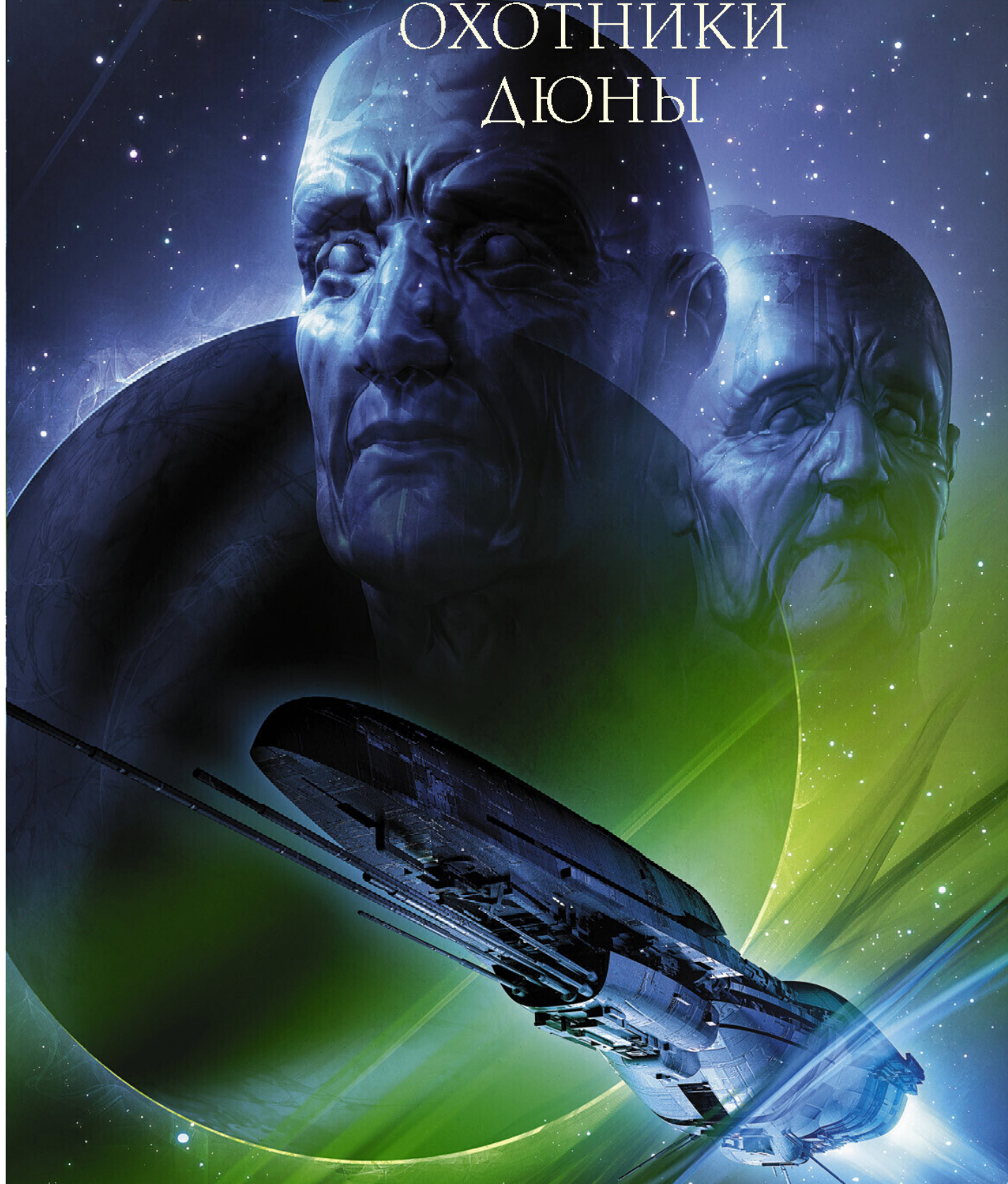

Брайан Герберт, Кевин Андерсон

ДЮНА

ОХОТНИКИ
ДЮНЫ

Вселенная Дюны

Кевин Андерсон

Охотники Дюны

«Издательство АСТ»

2006

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Андерсон К. Д.

Охотники Дюны / К. Д. Андерсон — «Издательство АСТ»,
2006 — (Вселенная Дюны)

ISBN 978-5-17-137104-3

Невероятная одиссея корабля-невидимки Дункана Айдахо продолжается. Зловещая ловушка таинственного Внешнего Врага вот-вот захлопнется, и героям предстоит приложить все возможные усилия, чтобы избежать опасности. С помощью древних генетических технологий последнего Мастера-тлейлаксу Скитале беглецам удастся воскресить тех, кто сыграл ключевую роль в истории Дюны, – Пола Атрейдеса и его возлюбленную Чани, леди Джессику, Стилгара, Сафира Хавата и даже изменника доктора Веллингтона Юэ. Каждый из них должен использовать свои уникальные навыки и решить поставленную задачу. Поражение немыслимо, ведь на кону не только их жизни, но и судьба всего человечества...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-137104-3

© Андерсон К. Д., 2006

© Издательство АСТ, 2006

Содержание

Предисловие авторов	6
Три года спустя после бегства с Капитула	9
Четыре года спустя после бегства с Капитула	60
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Брайан Герберт, Кевин Андерсон

Охотники Дюны

Фантастический роман

Тому Догерти,

Чьи поддержка и энтузиазм в отношении «Дюны» и нас, ее авторов, были просто неоценимыми. Преданный редактор и издатель, умный бизнесмен, Том является многолетним поклонником «Дюны» и был добрым другом Фрэнка Герберта.

Brian Herbert, Kevin J. Anderson
Hunters of Dune

* * *

Печатается с разрешения литературных агентств Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Herbert Properties LLC, 2006

© Перевод. А. Анваер, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Предисловие авторов

Нам бы очень хотелось, чтобы эту книгу написал сам Фрэнк Герберт.

После выхода в свет «Еретиков Дюны» (1984) и «Капитула Дюны» (1985) он думал о продолжении истории; это должно было стать грандиозным завершением эпических хроник Дюны. Все, кто читал «Капитул Дюны», помнят интригующий финал книги.

Последний роман Фрэнка Герберта «Человек двух миров» был написан в соавторстве с Брайаном, и в процессе работы они обсуждали планы совместного написания будущих книг «Дюны», в частности историю Батлерианского джихада. Однако, имея в виду посвящение и заключение, которые Фрэнк поместил в «Капитуле», посвятив их своей безвременно умершей супруге Беверли, Брайан решил, что эпопея «Дюны» должна на этом завершиться. Как он написал в «Мечтателе Дюны», биографии Фрэнка Герберта, его родители были одной командой, и теперь этой команды больше нет. По этой причине Брайан много лет не притрагивался к серии.

В 1997 году, больше, чем спустя десять лет после смерти отца, Брайан начал обсуждать с Кевином Дж. Андерсоном возможность завершения этого проекта, то есть написания легендарной «Дюны-7». Но, как считалось в то время, Фрэнк Герберт не оставил никаких набросков, и мы думали, что нам придется полагаться исключительно на собственное воображение. В результате последующих обсуждений мы поняли, что нужна большая предварительная работа, прежде чем мы сможем взяться за «Дюну-7» – причем нам предстояло не только заложить основу самого сюжета, но и представить читающей аудитории и прежде всего новому поколению невероятный, захватывающий дух мир Дюны.

С момента публикации «Капитула Дюны» прошло двадцать лет. Несмотря на то что многим читателям полюбилась классическая «Дюна», особенно первые три книги эпопеи, значительная часть читающей публики была не готова к прочтению этой последней книги. Нам нужно было заново пробудить к ней интерес и подготовить читателей.

Мы решили написать трилогию прелюдий: «Дом Атрейдесов», «Дом Харконненов» и «Дом Коррино». Когда мы начали исследовать все оставшиеся после Фрэнка Герберта архивы, готовясь к написанию «Дома Атрейдесов», то Брайан, к своему безмерному изумлению и радости, нашел две коробки, которые его отец не хранил дома, положив их незадолго до смерти в банковский сейф. В этих коробках Брайан и адвокат обнаружили распечатки и два старомодных компьютерных диска с пометками «Наброски к Дюне-7» и «Примечание к Дюне-7». Там мы нашли направление, в котором должен был развиваться сюжет.

Прочтя этот материал, мы мгновенно поняли, что «Дюна-7» должна стать величественной кульминацией серии, связав воедино историю и героев, которых мы давно знали во всех драматических перипетиях их судеб. В сейфе мы также обнаружили дополнительные заметки с описаниями героев и их историй, страницы, исписанные неиспользованными эпитафиями и набросками других сочинений.

Теперь, когда у нас в руках была карта, мы окунулись в трилогию «Прелюдии к Дюне», в которой проследили истории герцога Лето и леди Джессики, злодея барона Харконнена и планетолога Пардота Кайнса. После этой трилогии мы написали «Легенды Дюны» – «Батлерианский джихад», «Крестовый поход машин» и «Битву при Коррине» – то есть представили те первоначальные конфликты и события, которые послужили фундаментом для всей последующей истории мира Дюны.

Несомненно, Фрэнк Герберт был гением. «Дюна» стала бестселлером, тиражи которой остаются непревзойденными за всю историю научной фантастики. С самого начала, когда мы только приступили к нашей фундаментальной задаче, мы поняли, что с нашей стороны было бы невозможно и даже глупо пытаться имитировать стиль Фрэнка Герберта. Но мы оба настолько прониклись обаянием его творчества, что некоторые фанаты «Дюны» заметили определенное

сходство стилей. Однако, несмотря на то, что мы решили написать эту книгу в духе «Дюны», мы все же придерживались собственного стиля.

Мы очень рады сообщить, что после публикации «Дома Атрейдесов» объем продаж оригинальных хроник «Дюны» самого Фрэнка Герберта стремительно возрос. Широкой аудитории были показаны две шестичасовые серии «Дюны» (в главных ролях выступили Уильям Хёрт и Сьюзен Сарандон) – «„Дюна“ Фрэнка Герберта» и «„Дети Дюны“ Фрэнка Герберта». Показ вызвал одобрение и завоевал премию «Эмми». Эти фильмы стали двумя из трех самых популярных фильмов на канале научной фантастики.

И наконец по прошествии девяти лет подготовки, мы решили, что настал час опубликовать «Дюну-7». Просматривая записи Фрэнка Герберта, мы поняли, что у нас получится книга объемом не менее 1300 страниц. Поэтому было решено выпустить ее в двух томах – «Охотники Дюны» и «Песчаные черви Дюны».

Надо еще многое написать в рамках этой эпической хроники, и мы намерены создать следующие волнующие романы, раскрывающие все новые и новые разделы грандиозной блистательной сказки, придуманной Фрэнком Гербертом. Сага о Дюне далека от завершения!

*Брайан Герберт и Кевин Дж. Андерсон,
апрель 2006 года*

После трех с половиной тысячелетий правления тирана Лето II Империя была брошена на произвол судьбы. Во время Великого Голода и последовавшего за ним Рассеяния остатки человеческой расы бросились в неизведанную тьму Вселенной. Люди устремились к неизвестным мирам в тщетной надежде обрести богатства и спокойствие. В течение полутора тысяч лет уцелевшие люди и их потомки терпели ужасные бедствия, полностью преобразившие лицо человечества.

Лишенное силы и ресурсов, древнее правительство Старой Империи пало. Появились и набрали силу новые группировки, рвущиеся к власти, но никогда уже человечество не позволяло себе губительную роскошь – зависеть от единоличного правления или от монолитного единого государства. Единичное ведет к пропасти.

Некоторые утверждают, будто Рассеяние и было Золотым Путем Лето II, суровым испытанием, призванным навечно закалить человеческий род, преподать нам урок, какового мы никогда не забудем. Но как мог один человек – даже богочеловек и отчасти песчаный червь – сознательно навлечь ужасные страдания на детей своих? Теперь, когда потомки Заблудших возвращаются из Рассеяния, мы можем лишь в своем воображении рисовать те ужасы, какие пришлось пережить нашим братьям и сестрам.

Отчеты Банка Гильдии, отделение Гамму

Даже самые образованные из нас не могут представить себе подлинные масштабы Рассеяния. Как историк, я содрогаюсь от одной мысли обо всех навсегда утраченных знаниях, об отсутствии точных сведений о триумфах и трагедиях. Целые цивилизации возникали и рушились где-то во Вселенной, пока мы пребывали в покорности в нашей Старой Империи.

Новое оружие и новая техника стали порождением тягостей Великого Голода. Каких врагов – пусть непреднамеренно – породили мы себе на горе? Какие религиозные течения, изуверства и социальные процессы привел в движение тиран? Мы никогда этого не узнаем, и, боюсь, это невежество еще дорого нам обойдется.

Сестра Тамалейн. Архивы Капитула

К нам возвратились наши братья, заблудшие тлейлаксу, исчезнувшие ранее в водовороте и бедствиях Рассеяния. Но как же разительно они переменились. Они усовершенствовали свою способность менять лица и уверяют, что самостоятельно достигли этого искусства и умения. Правда, мой анализ наружности и поведения вернувшихся указывает на то, что их способности и развитие ниже наших. Они даже не умеют добывать специю в биологических чанах, но каким же образом они стали более искусными лицедеями? Как такое возможно?

Теперь о Досточтимых Матронах. Они вступили в союз с нами, но в их действиях просматривается одна только жестокость и стремление поработить покоренные народы. Они до основания уничтожили Ракис! Как можно доверять им или заблудшим тлейлаксу?

Мастер Скитале. Спрятанные заметки, обнаруженные в сожженной лаборатории на Тлейлаксе

Дункан Айдахо и Шиана похитили наш корабль-невидимку и улетели на нем в неизвестном направлении. Они захватили с собой многих сестер-отступниц и даже гхола нашего баши Майлса Тега. Я испытываю большое искушение, выступая от лица недавно заключенного союза, потребовать от сестер Бинэ Гессерит и от Досточтимых Матрон приложить все силы для отыскания и захвата корабля и его ценных пассажиров.

Но я не сделаю этого. Кто может отыскать корабль-невидимку в необъятных безднах Вселенной? Не стоит забывать и о том, что на нас надвигается куда более опасный враг.

Экстренное послание Мурбеллы – Верховной Преподобной Матери и Великой Досточтимой Матроны

Три года спустя после бегства с Капитула

*Память – острое оружие, способное нанести глубокую рану.
Плач ментата*

В день его смерти Ракис – планета, известная всем как Дюна, – погиб вместе с ним.

Дюна. Погибшая навеки.

В каюте архива скрывающегося корабля-невидимки «Итака» гхола Майлс Тег снова и снова смотрел кадры последних мгновений жизни пустынной планеты. Слева на столе, под рукой, стояла чашка с ароматным стимулирующим меланжевым напитком, но тринадцатилетний Майлс не обращал на него ни малейшего внимания, погружившись в сосредоточенное состояние ментата. Его околдовывали эти исторические записи и голографические изображения.

Тогда погибло его прежнее тело. Было видно, как погиб целый мир. Ракис... легендарная пустынная планета превратилась в безжизненный обожженный шар.

Архивные кадры демонстрировали боевые корабли Досточтимых Матрон, плотным кольцом окружившие пятнистый коричневый шар планеты. Огромные, неуловимые корабли-невидимки – на одном из таких украденных судов летели теперь Тег и его спутники – обрушили на планету огневую мощь, против которой Бинэ Гессерит не смогли выставить ничего равноценного. Традиционные атомные бомбы показались бы детскими хлопушками по сравнению с этим невиданным оружием.

«Должно быть, оно было разработано в Рассеянии». Тег погрузился в ментатскую проекцию. Человеческая изобретательность порождается отчаянием? Или это было нечто совершенно иное?

На зыбком экранном пространстве было видно, как ошестинившиеся стволами корабли открыли огонь, извергая воспламеняющие волны с помощью аппаратов, которые сестры Бинэ Гессерит называют с тех пор «облитераторами». Бомбардировка продолжалась до тех пор, пока на планете не исчезло все живое. Песчаные дюны превратились в черные стекловидные холмы; сгорела даже атмосфера Ракиса. Гигантские черви, обширные города, люди и песчаный планктон – все было сожжено и уничтожено. Там, в этом аду, ничто не могло выжить, включая и его самого.

Теперь, почти четырнадцать лет спустя, находясь в незнакомой части Вселенной, неуклюжий подросток как зачарованный смотрел жуткие кадры, подгоняя высоту кресла к своему росту. *Хотелось еще раз посмотреть обстоятельства собственной гибели.*

Строго говоря, Тег был не гхола, а клон – организм, выращенный из клеток трупа, но, несмотря на это, его называли гхола. В этом теле подростка жил старик, ветеран всех войн ордена Бинэ Гессерит; сам он не помнил последних мгновений своей жизни, но кадры развеивали все сомнения.

Бессмысленное уничтожение Дюны наглядно показало истинную беспощадность Досточтимых Матрон, их невероятную жестокость. Сестры называли их *иллюхами* – и с полным правом.

Нажав соответствующие сенсоры, Майлс снова прокрутил кадры. Он испытывал странное чувство, видя со стороны, как он сражался и умирал на запечатленных приборами голографических картинах...

Тег услышал какой-то звук и обернулся к двери. Шиана, стоя в коридоре, внимательно смотрела на него. Лицо женщины было худым и угловатым, кожа смуглая – сказывалось наследие Ракиса. В непослушных темных волосах виднелись медные прядки – следы проведенного под пустынным солнцем детства. Глаза отливали сплошной синевой – признак долгого упо-

требления специи и Агонии, превратившей ее в Преподобную Мать – самую молодую из уцелевших, как сказали Тегу.

Чувственные губы Шианы дрогнули в мимолетной улыбке.

– Опять штудируешь битвы, Майлс? Для командира плохо быть таким предсказуемым.

– У меня так много их в запасе, – ответил Тег ломающимся юношеским голосом. – Баши – до моей смерти – дал их немало за триста стандартных лет.

Шиана взглянула на проекционный экран, и лицо ее приняло озабоченное выражение. Ежедневные просмотры кадров гибели Ракиса стали превращаться у Тега в какую-то одержимость. Он постоянно смотрел их с тех пор, как они начали свое блуждание по диковинным областям неизведанной Вселенной.

– Что-нибудь слышно от Дункана? – спросил Майлс, стараясь отвлечь внимание Шианы. – Он хотел испытать новый навигационный алгоритм, чтобы уйти от...

– Мы точно знаем, где находимся. – Шиана резко вздернула подбородок – этот жест стал проскальзывать у нее все чаще и чаще с тех пор, как она стала лидером этой группы беженцев. – Они нас *потеряли*.

Тег машинально уловил в ее тоне критику в адрес Дункана Айдахо. Их главным и единственным желанием было не дать кому бы то ни было – ни Досточтимым Матронам, ни изменницам Ордена Бинэ Гессерит, ни таинственному Врагу – найти их корабль.

– По крайней мере мы в безопасности.

Шиану не убедили его слова.

– Меня очень тревожит неопределенность положения, мы не знаем, где мы, не знаем, кто преследует нас... – Голос ее дрогнул. Она помолчала, потом заговорила снова: – Я оставлю тебя сейчас. Нам надо собраться, чтобы обсудить положение.

Он насторожился.

– Что-то изменилось?

– Нет, Майлс. Думаю, что мы продолжим наши нескончаемые старые споры. – Она пожала плечами. – Кажется, старые сестры настаивают на следующем совещании.

Раздался тихий шелест накидки, и Шиана вышла из каюты архива, оставив Тега наедине с тишиной огромного невидимого корабля.

«Назад, на Ракис. Назад, к моей смерти... и к событиям, ей предшествовавшим». Тег перемотал записи, выбирая старые сообщения и кадры, и снова впился в них взглядом, отправившись в далекое путешествие по глубинам времени.

Теперь, когда его память окончательно пробудилась, он знал, что делал вплоть до самого момента гибели. Ему не нужны были записи и съемки для того, чтобы вспомнить, как старый баши Тег попал в столь затруднительное положение на Ракисе, в положение, созданное его же руками. Тогда он и его верные солдаты – ветераны многих знаменитых кампаний – похитили корабль-невидимку на Гамму, планете, ранее называвшейся Гайдеди Прим – в родовом гнезде злодейского и давно истребленного Дома Харконненов.

Годами ранее Тегу была поручена охрана гхола Дункана Айдахо – после того, как были убиты одиннадцать его предыдущих гхола. Старому баши удалось уберечь двенадцатого гхола и восстановить его память, после чего баши помог Айдахо бежать с Гамму. Когда одна из Досточтимых Матрон – Мурбелла – попыталась сексуально поработить Айдахо, вышло так, что он поработил ее – благодаря наследственной способности, сообщенной ему Мастерами-тлей-лаксу. Так Айдахо стал живым оружием, сконструированным специально для того, чтобы противостоять Досточтимым Матронам. Нет ничего удивительного, что взбешенные шлюхи воспылали страстным желанием найти и убить Дункана.

Уничтожив сотни Досточтимых Матрон и их миньонов, старый баши укрылся среди своих солдат, поклявшихся защищать его даже ценой своей жизни. С времен Пол-Муад'Дибана один великий военачальник не пользовался такой преданностью, возможно, что такого не

было даже в фанатичные времена Батлерианского джихада. В короткое время за выпивкой и едой, с увлажнившимися от воспоминаний глазами, баши объяснил ветеранам, что они должны во что бы то ни стало похитить корабль-невидимку. Несмотря на то что задание казалось невыполнимым, ветераны даже не стали обсуждать приказ.

Устроившись в архиве, юный Майлс просматривал теперь видеозаписи наблюдения охраны космопорта Гамму. Съемка производилась с крыши высокого здания Банка Гильдии. Каждый этап операции был исполнен для Майлса глубокого смысла, несмотря на то что с тех пор прошло уже много лет. «Это был единственный способ добиться успеха, и нам удалось взять корабль».

После прибытия на Ракис Тег и его солдаты отыскивали Преподобную Мать Одраде и Шиану, которые прибыли к месту встречи в пустыне верхом на гигантском старом черве. Времени не было. Мстительные Досточтимые Матроны шли по следу, горя желанием наказать Майлса, который обвел их вокруг пальца на Гамму. На Ракисе Тег и его люди выгрузились с невидимки на бронированных машинах с большим запасом оружия и снаряжения. Наступало время последней решительной схватки.

До того как баши повел своих верных солдат навстречу шлюхам, Одраде – как будто невзначай, но очень тщательно – соскребла с его жилистой шеи пробу клеток. И Тег, и Преподобная Мать понимали, что это последний шанс сохранить самый выдающийся военный талант со времен Рассеяния. Они оба понимали, что он идет на верную смерть. То была последняя битва Майлса Тега.

В то время, когда баши и его солдаты сошлись в схватке с Досточтимыми Матронами на суше, другие отряды шлюх быстро захватывали один за другим населенные центры Ракиса. Они убили сестер Бинэ Гессерит, укрывшихся в Убежище. Они убили Мастеров-тлейлаксу и жрецов Разделенного Бога.

Битва была уже проиграна, но Тег и его войска продолжали с удвоенной яростью атаковать оборонительные позиции противника. Надменность Досточтимых Матрон ни за что не позволила бы им снести такое унижение, и они отплатили всей планете, уничтожив на ней все и вся. В том числе и его, Майлса Тега.

Само сражение стало отвлекающим маневром, совершенным старым баши и его солдатами для того, чтобы дать возможность взлететь кораблю-невидимке, унесшему с собой Одраде, гхола Дункана и Шиану, успевших, кроме того, погрузить в грузовой трюм корабля древнего червя. Вскоре после старта корабля Ракис перестал существовать – и этот червь стал последним во Вселенной представителем своего вида.

Так закончилась первая жизнь Тега. Здесь обрывалась его реальная память.

Наблюдая теперь сцены последней бомбардировки, Майлс хотел одного – понять, в какой именно момент погибло его прежнее тело. Но какое это теперь имело значение? Он снова жив, и у него появился еще один шанс.

Используя клетки, взятые с его шеи, сестры сумели вырастить копию старого баши и восстановить его генетическую память. Орден Бинэ Гессерит прекрасно понимал, что ему понадобится стратегический гений Майлса для решительной схватки с Досточтимыми Матронами. Мальчик Тег действительно привел сестер к победе на Гамму и Джанкшн. Он делал все, о чем его просили.

Позже он и Дункан – вместе с Шианой и ее диссидентками – похитили другой корабль-невидимку и улетели на нем с Капитула, не в силах вынести того, что Мурбелла сделала с Орден Бинэ Гессерит. Лучше, чем кто-либо другой, беглецы понимали, что представляет собой таинственный Враг, продолжавший свою неутомимую охоту за ними, и, кто знает, поможет ли им уход в неведомые дали на пропавшем без вести корабле-невидимке...

Утомленный фактами и невольно нахлынувшими воспоминаниями, Тег выключил аппарат, потянулся тонкими мальчишескими руками и покинул архив. Теперь он будет несколько часов тренироваться, а потом займется навыками владения оружием.

Несмотря на то что он обитает сейчас в теле тринадцатилетнего мальчика, он должен быть готов ко всему и ни в коем случае не терять бдительности.

Зачем просить вести себя вперед человека, который заблудился сам?
Зачем удивляться, если выяснится, что он привел вас в никуда?
Дункан Айдахо. «Тысяча жизней»

Они легли в дрейф. Они в безопасности. Их потеряли все.

Неопознанный корабль в неопознанной части Вселенной.

И только Дункан Айдахо, как всегда одиноко стоявший в навигационной рубке, знал и понимал, что могущественные враги продолжали идти по их следу. Угрозы, угрозы, угрозы. Корабль-невидимка блуждал по застывшей пустоте, вдаль от нанесенных человечеством на звездные карты областей. Вокруг совершенно иная Вселенная. Он не мог разобраться: спрятались ли они или попали в ловушку. Он не знал, как вернуться в известные звездные системы – не знал и не смог бы этого сделать, будь у него даже такое желание.

Если верить независимому хронометру штурманской рубки, они носятся по этому странному, искаженному пространству же несколько лет... но кто может знать, как течет время в этой другой Вселенной? Здесь могут оказаться искаженными и законы физики, и весь привычный галактический ландшафт.

Внезапно, словно его мрачные предчувствия обернулись предзнанием, Айдахо заметил, что индикаторы панели управления вдруг лихорадочно замигали, а стабилизирующие двигатели заработали прерывисто и неровно. Дункан не видел ничего особенного, кроме знакомого завихрения газов и искаженной энергетической ряби. Корабль-невидимка столкнулся, как показалось Айдахо, с «грубым пятном». Но как могло возникнуть турбулентное течение в пустом, абсолютно пустом пространстве?

Корабль сотрясало в поле странной гравитации в бурном потоке высокоэнергетических частиц. Дункан выключил автоматическое управление и изменил курс, но только ухудшил положение. По носу судна появились едва уловимые оранжевые вспышки, похожие на прозрачные мерцающие огни. Палуба под ногами содрогнулась, словно корабль наткнулся на препятствие, но Айдахо по-прежнему ничего не видел. Вообще ничего! Видимо, пустой вакуум сообщал ощущение движения или завихрения. Поистине, странная вселенная.

Дункан продолжал корректировать курс до тех пор, пока не прекратились толчки и не исчезли оранжевые огоньки. Если опасность будет нарастать, а положение ухудшаться и дальше, придется свернуть пространство и совершить следующий скачок. После того как они покинули Капитул, корабль-невидимка летел, что называется, без руля и ветрил; Дункан очистил все данные навигационных систем и координатные сетки; теперь он руководствовался только интуицией и рудиментарным предзнанием. Каждый раз, включая двигатели Хольцмана, Айдахо ставил на карту жизнь всех ста пятидесяти пассажиров корабля; но другого выхода он не видел, и приходилось рисковать.

Три года назад у него тоже не было выбора. Когда Дункан поднял в космос огромное судно, это не было бегством в обычном смысле этого слова – он просто похитил и увел в пространство тюрьму, в которую заточил его Орден сестер. Было мало просто улететь. Своим остро

отточенным умом Айдахо понимал и видел, как вокруг них захлопывается западня. Наблюдатели Внешнего Врага, прикрывшись невинной и мирной маской старика и старухи, раскинули гигантскую сеть, в которой безнадежно запутался корабль-невидимка. Айдахо видел, как начинает сужаться сверкающая многоцветная сеть, и сквозь ее ячейки было видно, как победоносно улыбается пожилая парочка. Они были уверены, что он и корабль-невидимка у них в руках.

Пальцы его мелькали над клавиатурой, мозг работал со скоростью алмазного чипа. Дункан заставлял двигатели Хольцмана выполнять такое, что не пришло бы в голову ни одному навигатору Гильдии. Невидимая ловушка Врага была готова вот-вот захлопнуться, и тогда Айдахо рванулся вперед, сминая пространство; огромный корабль с такой силой погрузился в складки свернутого пространства, что рвал ткань Вселенной, выскальзывая за ее пределы. На помощь Айдахо незримо пришел мастер меча, в незапамятные времена обучавший его владеть оружием. «Только медленным скользящим ударом можно прорвать непроницаемый для быстрого выпада телесный щит».

Корабль-невидимка оказался в новом, совершенно неведомом месте. Но Айдахо по-прежнему был начеку, не позволяя себе расслабиться даже на мгновение. Что произойдет в следующий момент в этой непознанной Вселенной?

Он принялся изучать изображения, передаваемые с сенсоров, выставленных за пределы поля-невидимки. Вид за бортом не изменился. Те же закрученные полотнища газовых туманностей, вывернутые наизнанку северные сияния, которым не суждено сгуститься в звезды. Была ли это еще молодая Вселенная, не успевшая сконденсироваться, или, наоборот, Вселенная настолько древняя, что в ней выгорели все солнца, превратившиеся в молекулярную пыль?

Группа ни к чему не приспособленных беженцев отчаянно желала одного – вернуться к нормальной жизни... по крайней мере вернуться куда-нибудь еще. За долгое путешествие их страх и тревога поначалу обратились в растерянность, а потом в беспокойство и болезненное состояние души. Они хотели чего-то большего, нежели просто потеряться и уцелеть. Они то взирали на Айдахо с надеждой, то принимались обвинять его в своих бедах.

На корабле находилась весьма пестрая компания – или Шиана и ее сестры из Бинэ Гессерит специально отобрали нужные им образчики? Здесь были осколки ортодоксальных последовательниц Ордена Бинэ Гессерит – послушницы, прокторы, Преподобные Матери и мужчины из вспомогательного персонала, включая и самого Айдахо и гхола Майлса Тега. Был на борту и Раввин со своими евреями, спасенными от устроенного Досточтимыми Матронами на Гамму погрома; находился здесь и один уцелевший Мастер-тлейлаксу и четыре футара – чудовищные, выведенные в Рассеянии помеси кошек с людьми, порабощенные шлюхами. Мало того, на борту были еще семь маленьких песчаных червей.

«Воистину, странная компания. Корабль дураков».

Спустя год после бегства с Капитула, когда они окончательно погрязли в этой изуродованной и малопонятной вселенной, Шиана и ее сестры попросили Айдахо участвовать в церемонии наречения корабля. По причине того, что их судно бесконечно скиталось по неведомым просторам, было решено наречь его «Итакой».

Итака, маленький островок у берегов Древней Греции, родина Одиссея, скитавшегося по морям десять лет после окончания Троянской войны в тщетном старании отыскать дорогу домой. Дункану и его спутникам тоже нужно было место, которое можно было назвать домом, спасительной гаванью. Они совершали свою великую одиссею, и, не имея ни карт, ни звездных ориентиров, Дункан заблудился точно так же, как и древний Одиссей.

Никто из спутников Айдахо не знал, как сильно тянет его назад, на Капитул. Сердечные узы накрепко связали его с Мурбеллой, его возлюбленной, его рабыней и его госпожой. Освобождение от этих уз стало самым тяжким испытанием из всех, какие он помнил за все свои жизни. Он сомневался, что ему вообще когда-нибудь удастся забыть о ней. *Мурбелла...*

Но Дункан Айдахо привык всегда и во всем ставить долг выше личных чувств. Несмотря на сердечную боль, он принял на себя ответственность за корабль-невидимку и безопасность его пассажиров, пусть даже и в этой искалеченной Вселенной.

Бывали моменты, когда неожиданные сочетания запахов напоминали ему незабываемый аромат Мурбеллы. Молекулы органических эфиров, витающие в обработанном воздухе корабля, действовали на обонятельные рецепторы, вызывая в памяти запахи и ароматы, напоминавшие об одиннадцати прожитых совместно годах. Капельки пота Мурбеллы, ее темно-янтарные волосы, особый, ни с чем не сравнимый вкус ее губ и морской дух их «сексуального столкновения». Их страстная, вызывавшая взаимную зависимость любовь, была одновременно нежностью и насилием, но никто из них не оказался настолько сильным, чтобы разорвать этот порочный круг и освободиться.

Не надо путать зависимость и любовь. Боль, однако, была такой же мучительной и невыносимой, как муки абстиненции от специи. С каждым часом полета в пустоте Дункан оказывался все дальше и дальше от Мурбеллы.

Он откинулся на спинку кресла и открыл свои уникальные чувства, прощупывая ими окружающее пространство и стараясь не быть застигнутым врасплох, если кто-то вдруг обнаружит корабль-невидимку. Опасность впадения в такое пассивно-оборонительное состояние заключалась в том, что иногда он непроизвольно начинал вспоминать исключительно Мурбеллу. Для того чтобы обойти эту проблему, Дункан особо выделил ментатский сектор сознания. Если одна часть его сознания начинала блуждать, то другая оставалась начеку, постоянно выискивала опасность.

За время совместной жизни у них с Мурбеллой родились четыре дочери. Старшие – близнецы – были теперь почти взрослые. Но Мурбелла была утрачена для Айдахо с тех пор, как Агония превратила ее в истинную сестру Ордена Бинэ Гессерит. Сестры были особенно признательны Мурбелле, потому что до нее ни одна Досточтимая Матрона не завершала обучение – или, лучше сказать, переобучение – чтобы стать полноценной Преподобной Матерью. То, что при этом было разбито сердце Дункана Айдахо, сестер несколько не волновало. Это была побочная досадная мелочь.

Перед его мысленным взором, дразня его, неотступно маячил желанный и любимый образ Мурбеллы. Способности ментата – его благословение и одновременно проклятие – позволяли ему в мельчайших подробностях вспоминать ее внешность: овал лица и широкий лоб, темно-зеленые, напоминающие нефрит глаза, гибкое тело, равно созданное для схватки и любви. Потом он вспомнил, что после Агонии глаза ее стали синими. Она стала другим человеком...

Мысли Айдахо разбредались, и в сознании все время возникал образ Мурбеллы. Внезапно на сетчатке глаза словно остаточное изображение начал проявляться контур другой женщины. Дункан насторожился. Это было присутствие чего-то внешнего, присутствие чьего-то более высокого сознания, неизмеримо более глубокого разума. Этот разум преследовал его, протягивая тонкие и невидимые нити к «Итаке».

Дункан Айдахо, звал умиротворяющий женственный голос.

Дункан встрепенулся от всплеска эмоций, ощутив приближение опасности. Почему страж изолированного ментатского сознания не разглядел, откуда появилась эта женщина? Речь шла теперь о выживании, и разум начал работать с полной отдачей. Дункан резко склонился над панелью двигателя Холцмана, намереваясь совершить еще один неуправляемый прыжок в неведомое.

Голос пытался помешать. Не беги от меня, Дункан Айдахо, ведь я не враг тебе.

Старик и старуха уверяли его в том же. Дункан не имел ни малейшего понятия, кто они такие, но, несмотря на это, чувствовал и осознавал, что именно от них исходит главная опасность. Но это внезапное появление нового женского образа, этого необъятного интеллекта,

явилось ему из глубин странной и непознанной Вселенной, в которой, по воле судьбы, оказался корабль-невидимка. Он пытался бежать, но не мог уйти от голоса.

Я – Оракул Времени.

В нескольких своих жизнях Дункану приходилось слышать об Оракуле Времени – путеводной звезде Космической Гильдии. Милостивый и всевидящий, Оракул Времени, как говорили, был пастырем, охранявшим Гильдию с момента ее возникновения пятнадцать тысяч лет назад. Дункан, правда, всегда считал эти рассказы частью религии сверхчувствительных навигаторов Гильдии.

– Оракул – это миф. – Он протянул руку к командирской консоли.

Я емь очень многое. Дункана страшно удивило, что голос не стал возражать ему. *Многие ищут тебя, Дункан. Тебя найдут здесь.*

– Я доверяю только своим способностям. – Дункан включил свертывающие пространство двигатели. Глядя на себя со стороны, он надеялся, что Оракул не заметит, что он делает. Сейчас корабль-невидимка прыгнет еще куда-нибудь и снова ускользнет. Сколько же сил охотится за ним?

Будущее требует твоего бытия. У тебя ключевая роль в пьесе под названием Крализек.

Крализек... Тайфунная Битва... давно предсказанная битва в конце мира, битва, которая навсегда изменит образ будущего.

– Еще один миф, – произнес Дункан, активируя двигатели и не предупредив об этом остальных пассажиров. Он не может рисковать, оставаясь здесь. Корабль-невидимка рванулся с места и исчез в неизвестном направлении.

Корабль понесся вдоль складок пространства, и голос стал тише; судно уходило из объятий Оракула, но женщину это, казалось, нисколько не раздосадовало. Издалека снова зазвучал ее голос: *Слушай, я поведу тебя.* Голос растаял, рассыпался, расплылся, как клочок ваты.

«Итака» врезалась в свернутое пространство, погрузилась в него, но спустя невероятно короткий промежуток времени снова вынырнула в реальный мир.

Вокруг корабля сияли звезды – бесчисленные звезды, настоящие звезды. Дункан изучил показания сенсоров, проверил координатную сетку и сохранил в памяти сверкающие солнца и туманности. Снова их окружало нормальное пространство. Дункану не нужно было никаких подтверждений, он и без этого понял, что они попали назад, в свою Вселенную. Но что делать, он не знал – то ли плясать от радости, то ли взвыть от горя.

Дункан не слышал больше голос Оракула Времени, не чувствовал он и приближения других преследователей – таинственного Врага или объединенных сестер; но они, несомненно, были где-то здесь, рядом. Они не отступят, пусть даже прошло три года.

Корабль-невидимка летел дальше. Бегство продолжалось.

Самый сильный и самоотверженный вождь, пусть даже его деятельность зависит от поддержки масс, должен следовать прежде всего велениям своего сердца, своей души, не допуская, чтобы его решения поддавались народному мнению. Только силой и мужеством характера создается истинное и вечное наследие.

Сборник изречений Муад'Диб, составлен принцессой Ирулан

Как вдовствующая китайская императрица, надзирающая за своими подданными, Мурбелла восседала на троне зала приемов Убежища Бинэ Гессерит. Лучи утреннего солнца лились сквозь высокие оконные витражи, расплескивая по полу разноцветные пятна.

Капитул стал эпицентром самой странной в истории гражданской войны. Преподобные Матери и Досточтимые Матроны сошлись здесь с изяществом двух столкнувшихся космических кораблей. Мурбелла – следуя великому плану Одраде – не оставила им иного выбора. Капитул стал родным домом для обеих группировок.

Каждая из них ненавидела Мурбеллу за произведенные ею перемены, но ни у одной из них не хватало сил им противостоять. Этим союзом – соединением непримиримых философий и установлений Досточтимых Матрон и Ордена Бинэ Гессерит – было рождено на свет некое подобие чудовищных сиамских близнецов. Сама идея такого союза была глубоко противна большинству. Угроза возобновления кровопролития все время витала в воздухе, и вынужденный союз висел буквально на волоске.

Это была игра, правила которой не желали принимать некоторые сестры. «Выживание за счет самоуничтожения – это не выживание», – заявила Шиана незадолго до того, как они с Дунканом похитили корабль-невидимку и бежали с Капитула. Они проголосовали ногами, как говаривали в глубокой древности. «О, Дункан! Неужели Верховная Мать Одраде не догадывалась, какие планы вынашивала Шиана?»

Конечно, я знала, раздался голос Одраде из Другой Памяти. Шиана скрывала от меня свои планы, но в конце я их разгадала.

– И ты не предупредила меня? – Мурбелла часто разговаривала вслух с голосом своей предшественницы, одним из многих древних голосов, с которыми она могла общаться теперь, став Преподобной Матерью.

Я предпочитаю вообще никого не предупреждать. У Шианы были свои причины принять такое решение.

– И теперь нам обеим приходится расплачиваться за последствия.

Сидя на троне, Мурбелла смотрела, как стража вводит в зал женщину-узницу. Еще одно дисциплинарное дело, которое она решила рассмотреть лично. Еще один *пример*, каковой она должна показать всем. Несмотря на то что сестры Бинэ Гессерит испытывали отвращение к таким показательным случаям, они были полезны, ибо их высоко ценили Досточтимые Матроны.

Ситуация была в данном случае очень важная, и поэтому Мурбелла решила вмешаться лично. Она выпрямилась и разгладила на коленях складки черно-золотистой накидки. В отличие от сестер Бинэ Гессерит, которые хорошо знали свое место и чуждались внешних символов отличия, Досточтимые Матроны требовали роскошных знаков отличия и статуса – им нравились экстравагантные троны, собако-кресла и яркие пестрые накидки. Так самопровозглашенная Командующая Мать была принуждена сидеть на внушительном троне, инкрустированном камнями су и огненными геммами.

«На эти деньги можно купить большую планету, – подумалось Мурбелле, – если, конечно, мне понадобится планета».

Мурбелле были ненавистны стесняющие условности ее должности, но то была суровая необходимость. Женщины в разных одеяниях двух орденов посещали ее постоянно и каждый раз старались уловить хоть какой-нибудь признак слабости. Несмотря на то что Досточтимые Матроны прошли обряд посвящения в Орден Бинэ Гессерит, они все же остались привержены своей традиционной одежде, накидкам и шарфам из змеиной кожи и подчеркивающим фигуру облегающим костюмам. Напротив, сестры Бинэ Гессерит предпочитали темные свободные платья. Разница была такой же очевидной, как разница между павлином и серенькой куропаткой.

Узница, Досточтимая Матрона по имени Аннин, была коротко стриженной блондинкой в канареечно-желтом костюме и свободной накидке из расшитого плазовым шелком муара.

Электронные наручники прижимали руки к бокам, и из-за этого создавалось впечатление, что на Аннин надета невидимая смирительная рубашка, во рту торчал огромный кляп. Аннин безуспешно пыталась освободиться от наручников и заговорить, но вместо слов из ее горла вырывалось лишь нечленораздельное мычание.

Стражники поставили мятежницу у подножия трона. Мурбелла посмотрела в обезумевшие глаза преступницы и яростно закричала на нее:

– Я не желаю слышать, что ты еще хочешь мне сказать, Аннин! Ты и так сказала слишком много!

Эта женщина слишком часто осмеливалась критиковать правление Командующей Матери; мало того, Аннин организовывала собрания и митинги, протестуя против слияния Досточтимых Матрон и Бинэ Гессерит. Некоторые из последовательниц Аннин даже бежали из города и устроили себе базу на необитаемых северных территориях. Мурбелла не могла оставить безнаказанной такую явную провокацию.

Тот способ, каким Аннин выразила свое недовольство – клевета на Мурбеллу, размывая ее авторитет и умаляя престиж, трусливо действуя под безликой маской, – был сам по себе непростителен. Командующая Мать хорошо знала женщин типа Аннин. Никакие переговоры, никакие компромиссы, никакие увещания и призывы к здравому смыслу не смогут изменить ее настроение. Эта женщина утверждала себя своим демонстративным противостоянием.

«Пустая трата человеческого материала». На лице Мурбеллы отразилось отвращение. Если бы Аннин обратила свой гнев против реальных врагов...

Женщины обоих орденов, стоя по разные стороны зала, наблюдали за происходящим. По одну сторону стояли ведьмы, по другую – шлюхи. *Как вода и масло.*

За годы, прошедшие после насильственного объединения, Мурбелла не раз попадала в ситуации, в которых ее могли убить, но она каждый раз избегала этой угрозы, не попадала в расставленные ловушки, приспосабливалась, хитрила и... вводила жестокие наказания.

Власть ее над всеми этими женщинами была абсолютно законной и легитимной: она была, одновременно, Преподобной Матерью, избранной Одраде, и Великой Досточтимой Матроной, убившей свою предшественницу. Она сама выбрала для себя титул – Командующая Мать, чтобы символизировать объединение двух разных по духу организаций, но время шло, а женщины из обоих лагерей продолжали относиться к ней очень настороженно. Уроки Мурбеллы усваивались, но очень медленно.

После окончания битвы на Джанкшн, битвы, исход которой остался неясным, единственным способом для измотанного Ордена сестер уцелеть – было дать Досточтимым Матронам *поверить* в их победу. В философском смысле победители превратились в побежденных до того, как успели это осознать: знания, тренировка и тонкие приемы Бинэ Гессерит одерживали верх над твердолобой убежденностью соперниц – в большинстве случаев.

Мурбелла сделала знак, и стражники сильнее затянули электронные путы. Лицо Аннин исказилось от боли.

Мурбелла спустилась вниз по полированным ступеням, не сводя глаз с узницы. Сойдя с последней ступени, Мурбелла уставила горящий взор в глаза более низкорослой мятежницы. Мурбелле доставило удовольствие выражение страха, появившееся в глазах Аннин. Сопротивление уступило место ужасу, когда женщина поняла, что ее ожидает.

Досточтимые Матроны редко скрывали свои эмоции, предпочитая пользоваться ими. Матроны были уверены, что только явное выражение угрозы и устрашения может привести жертву к покорности. В разительном контрасте, Преподобные Матери считали демонстрацию эмоций слабостью и не давали им вырываться наружу.

– За все прошедшие годы я приняла множество вызовов и убила всех своих соперниц, – произнесла Мурбелла. – Я дралась на дуэлях с Досточтимыми Матронами, оспаривавшими мою власть. Я противостояла Преподобным Матерям Бинэ Гессерит, если они отказывались

соглашаться с моими действиями. Сколько еще крови и времени должна я даром тратить тогда, когда нас преследует реальный враг?

Не ослабив пут Аннин и не вынув кляп из ее рта, Мурбелла молниеносным движением выхватила из прикрепленного к поясу футляра сверкающий кинжал и вонзила его в горло Аннин. Никаких церемоний, никакого уважения к достоинству жертвы... Никакой траты времени.

Стражники схватили корчившееся в предсмертных судорогах тело хрипящей Аннин, потом отпустили, и оно безвольно рухнуло на пол, уставив в потолок остекленевшие безжизненные глаза. На пол не пролилось ни капли крови.

– Уберите ее, – приказала Мурбелла, вытирая кинжал о шелковую накидку убитой. Покончив с этим, она поднялась на трон. – У меня есть более важные дела.

В галактических просторах беспощадные и необузданные Досточтимые Матроны – численностью намного превосходящие сестер Бинэ Гессерит – продолжали действовать изолированными мелкими группами. Многие из этих женщин отказались признать власть Командующей Матери и по-прежнему занимались разбоем, опустошительными набегами и убийствами. Прежде чем обратиться против реального врага, Мурбелла должна была привести их в повиновение – всех до единой.

Почувствовав, что Одраде опять здесь, Мурбелла мысленно обратилась к своей умершей наставнице: «Мне не хочется, чтобы такие вещи были необходимы».

Твой путь более жесток, чем тот, какой предпочла бы я, но опасности, угрожающие тебе, очень велики, они отличаются от тех, что угрожали мне. Я доверила тебе задачу сохранения Ордена сестер. Теперь дело за тобой.

«Ты умерла и стала сторонней наблюдательницей».

Голос Одраде рассмеялся: *Эта роль доставляет мне намного меньше неприятностей.*

Во все время этого неслышного диалога Мурбелла сохраняла на лице безмятежное выражение – слишком много глаз было устремлено на нее в этот момент.

Стоявшая возле трона престарелая и неправдоподобно полная Беллонда склонилась к уху Мурбеллы:

– Прибыл корабль Гильдии. Мы препровождаем шестерых человек ее делегации сюда со всей должной быстротой.

Белл была контрастом и верной спутницей Одраде, она была во многом не согласна с Верховной Матерью, особенно с проектом Дункана Айдахо.

– Я решила заставить их ждать. Не надо давать им повод думать, что мы жаждем их видеть. – Она знала, что нужно Гильдии. Специя. Всегда одно и то же – специя.

Подбородок Беллонды сложился в многочисленные складки, когда она кивнула.

– Согласна. Если желаешь, мы можем утопить их в бесконечных формальностях. Пусть Гильдия ощутит вкус собственной бюрократии.

Легенда утверждает, что частица сознания Лето II, как жемчужина, живет в каждом песчаном черве, выросшем из расщепленного тела. Сам Бог-Император говорил, что будет поэтому отныне и во веки жить в бесконечном сне. Но что будет, если он проснется? Если он увидит, что мы сделали с собой, то не рассмеется ли тиран нам в лицо?

Ардат, жрица культа Шианы на планете Дан

Жизнь на пустынной планете была выжжена до конца, полностью уничтожена, но душа Дюны продолжала жить на борту корабля-невидимки. Шиана лично следила за этим.

Она сама и ее невозмутимая помощница Гарими стояли возле смотрового окна над огромным трюмом «Итаки». Гарими взглянула на мелкие дюны, дрожавшие от движений семи песчаных червей.

– Они подросли.

Черви эти были меньше тех чудовищ, которых Шиана помнила на Ракисе, но больше тех, какие жили в слишком влажных пустынях Капитула. Система контроля жизнеобеспечения корабля годилась для создания совершенной имитации пустыни.

Шиана покачала головой, понимая, что примитивная память этих тварей должна сохранить картины плавания по бескрайним морям дюн.

Незадолго до того, как шлюхи уничтожили Ракис, Шиана успела спасти древнего червя и привезла его на Капитул. Прибыв на новое место, червь был, казалось, при последнем издыхании, огромное тело чудовища распалось тотчас после того, как коснулось плодородной почвы, кожа червя рассыпалась на тысячи размножающихся песчаных форелей, которые тут же начали вгрызаться в землю. За следующие четырнадцать лет эти песчаные форели стали превращать пышно цветущую планету в еще одну бесплодную и знойную пустыню, в новый дом для червей. Наконец, когда условия стали подходящими, величественные твари снова явили себя миру – сначала они были малы, но постепенно становились все больше и сильнее.

Когда Шиана решила бежать с Капитула, она взяла с собой несколько червей.

Зачарованная движениями червей, Гарими прильнула к плазовому стеклу смотрового окна. Выражение лица помощницы было таким серьезным, что казалось, будто это лицо принадлежит женщине на несколько десятилетий старше. Гарими была рабочей лошадкой, настоящим консерватором, истинной сестрой Бинэ Гессерит. Она смотрела на мир словно сквозь шторы – он представлялся ей прямолинейным и черно-белым. Гарими была моложе Шианы, но, несмотря на это, была в большей степени привержена чистоте Бинэ Гессерит. Ее оскорбляла сама идея объединения с ненавистными Досточтимыми Матронами. Гарими помогла Шиане разработать рискованный план, позволивший им обоим бежать от «разложения».

Глядя на неугомонно двигавшихся червей, Гарими сказала:

– Теперь, когда мы вырвались из другой Вселенной, где будет Дункан искать для нас подходящую планету? Где мы сможем чувствовать себя в безопасности?

«Итака» была настоящим большим космическим городом. Искусственно освещаемые отсеки были сконструированы как теплицы, чаны с водорослями и проточные пруды с регенерацией воды тоже обеспечивали обитателей пищей, хотя и не столь аппетитной. Так как на корабле было очень мало пассажиров, то системы очищения воздуха и запасы продовольствия могли обеспечить жизнь людей на протяжении еще многих десятилетий. Емкость корабля была таковой, что можно было – без преувеличения – считать, что на борту вообще никого не было.

Шиана отвернулась от окна.

– Я не была уверена, что Дункан вообще окажется способен вернуть нас в нормальное пространство, но он это сделал. Разве пока не достаточно и этого?

– Нет! Нам надо выбрать планету, чтобы устроить там новую штаб-квартиру Бинэ Гессерит, отпустить на волю червей и превратить планету в новый Ракис. Мы должны начать размножаться, чтобы создать ядро Нового Ордена сестер. – Она уперла руки в свои узкие бедра. – Мы не можем блуждать вечно.

– Три года – это еще не вечность. Ты начинаешь выражаться, как Раввин.

Молодая женщина недоуменно посмотрела на Шиану, не понимая, шутка это или упрек.

– Раввин любит жаловаться. Думаю, это его успокаивает. Я же просто думаю о будущем.

– У нас есть будущее, Гарими, не тревожься.

Лицо помощницы просветлело, в глазах сверкнула надежда.

– Ты говоришь так из предзнания?

– Нет, я просто в это верю.

Изо дня в день Шиана потребляла огромные дозы специи из запасов, хранившихся на «Итаке». Этой дозы было достаточно для того, чтобы видеть смутный, затянутый туманом путь, лежавший перед ними. В то время, когда они блуждали по другому пространству, Шиана не видела ничего, но с тех пор, как они неожиданно вынырнули в нормальную Вселенную, взор прояснился, и Шиана почувствовала себя лучше, она снова видела...

Самый крупный песчаный червь выпрямился в трюме во всю свою длину и раскрыл пасть, похожую на пещеру. Другие черви заволновались, как змеи в растревоженном гнезде. Из песка показались еще две головы, с которых струились водопады песка.

Гарими благоговейно затаила дыхание.

– Смотри, они чувствуют тебя даже здесь.

– И я чувствую их. – Шиана прижала ладони к плазу, вообразив пряный запах меланжа, исходящий из пастей чудовищ, словно чувствуя его сквозь толстое стекло. Ни она, ни черви, не успокоятся, пока они не обретут пустыню, по которой смогут свободно перемещаться.

Но Дункан настаивал на том, чтобы они продолжали полет, опережая хотя бы на один шаг неумолимых преследователей. Не все были согласны с его планом. Во-первых, многие пассажиры вообще не собирались окончательно присоединяться к Шиане: Раввин и его беглецы-евреи, тлейлаксу Скитале и четыре звероподобных футара.

«И как быть с червями? – думала Шиана. – Чего хотят они?»

Теперь на поверхность вынырнули все семь червей, их безглазые головы раскачивались из стороны в сторону. На лице Гарими мелькнуло озабоченное выражение.

– Как ты думаешь, тиран действительно здесь? Жемчужина сознания в бесконечном сне? Может ли он чувствовать, что ты особенная?

– Из-за того, что я его внучатая племянница в сотом колене? Возможно. Определенно, что никто на Ракисе не мог даже предположить, что маленькая девочка из глухой пустынной деревни сумеет покорить огромных червей.

Корруптированное священство Ракиса видело в Шиане звено, связывающее их с Разделенным Богом. Позже Миссионария Протектива Бинэ Гессерит создало легенду о Шиане, превратив ее в Земную Мать, в Святую Девственницу. Население Старой Империи могло считать только одно – что их почитаемая Шиана погибла вместе с Ракисом. Вокруг ее предполагаемого мученичества возникла целая религия, новый культ, и этот культ стал еще одним оружием в руках Ордена сестер. Несомненно, он и до сих пор эксплуатирует ее имя.

– Мы все верим в тебя, Шиана, и только поэтому согласились... – она сдержалась, хотя было видно, что она готова произнести молитву, – на эту одиссею.

Внизу черви снова нырнули в гору песка и принялись обследовать границы своего жизненного пространства. Шиана следила за их неумолимыми движениями, раздумывая, насколько хорошо они понимают странность своего положения.

Если Лето II действительно спит внутри этих созданий, то ему наверняка снятся сейчас тревожные сны.

Некоторые предпочитают жить в покорности, надеясь на стабильность без потрясений и переворотов. Я же люблю сворачивать скалы и смотреть, что произойдет дальше.

Верховная Мать Дарви Одраде. Наблюдение мотиваций Досточтимых Матрон

Прошли годы, но «Итака» продолжала открывать свои мрачные тайны; они показывались на свет, как кости павших в древней битве показываются на поверхности после сильного дождя.

Старый баши похитил огромный космический корабль много лет назад; Дункан провел на нем в плену больше десяти лет, пока корабль стоял на взлетной площадке Капитула, а потом прошли еще три года полета. Но гигантские размеры «Итаки» и малое число пассажиров делали просто невозможным обнаружение всех ее тайн, не говоря уже о систематическом осмотре и обследовании корабля.

Судно – компактный город диаметром около одного километра имел более сотни палуб с бесчисленными переходами и каютами. Но несмотря на то, что основные палубы и отсеки были снабжены системами теленаблюдения, сестры были все же не в силах наблюдать за всем кораблем-невидимкой, в особенности же потому, что в корпусе судна были таинственные зоны электронного молчания, где камеры не функционировали. Может быть, Досточтимые Матроны или создатели корабля встроили в него какие-то блокирующие устройства, помогавшие хранить тайны. Запертые кодовыми замками двери так и остались неоткрытыми с тех пор, как судно покинуло Гамму. Были – без преувеличения – тысячи помещений, в которые не только никто не входил, но которые вообще оставались неизвестными.

И все же Дункан не ожидал обнаружить давно запертую каюту смерти на одной из редко посещаемых палуб.

Лифт остановился на одном из глубоких центральных уровней. Хотя Дункану был не нужен этот уровень, двери открылись сами, так как лифт – давно не используемый – перешел в автоматический режим работы.

Дункан всмотрелся в открывшуюся перед ним палубу, отметил, что она холодна и пустынна, скудно освещена и необитаема. Стены были покрыты одним слоем краски, которая кое-где облупилась, обнажив грубую металлическую поверхность. Он знал о существовании этих неотремонтированных уровней, но никогда не чувствовал желания их исследовать, так как полагал, что они давно покинуты или вообще никогда не использовались.

Несмотря на то что Досточтимые Матроны владели кораблем задолго до того, как Майлс Тег увел его у них из-под носа, Дункан не подозревал никакой опасности.

Он вышел из кабины лифта и пошел по длинному коридору, простиравшемуся вдоль всего судна. Осматривать незнакомые палубы и помещения было то же самое, что вслепую совершить прыжок в свернутое пространство. Не знаешь, чем все кончится. Идя по коридору, он наугад открывал двери кают. Двери легко скользили в сторону, показывая мрачные пустые помещения. Пыль и отсутствие всякой мебели. Дункан понимал, что едва ли кто-то когда-то занимал эти каюты.

В центре уровня короткий коридор огибал закрытую секцию, в которой было две двери с одинаковыми надписями «Машинное отделение». Он попытался их открыть, но створки не поддались. Любопытно. Дункан осмотрел запорные механизмы. Устройства корабля были настроены на его отпечатки пальцев, и, теоретически, двери должны открыться. Используя код начальствующего состава, Дункан отключил запорные механизмы и открыл дверь.

Войдя внутрь, Дункан сразу почувствовал, что у темноты здесь какой-то особый оттенок, а в воздухе стоял неприятный, давно застоявшийся запах. Кюта была не похожа на те, которые он видел до сих пор: стены здесь были выкрашены в неожиданно яркий алый цвет. Вспышка цвета насилия раздражала. Подавив неприятное предчувствие, Дункан остановил взгляд на

пятне неокрашенного металла. Он приложил ладонь к пятну, и вся стена вдруг с резким скрежетом отодвинулась в сторону, а затем развернулась.

Пройдя по короткому коридору, Дункан увидел зловещие приспособления, стоявшие на полу. Машины, предназначенные для одной цели – причинять людям мучения и боль.

Орудия пыток Досточтимых Матрон.

Включились светильники, словно спеша показать каюту во всей ее страшной красе. Справа Айдахо увидел простой стол, окруженный тяжелыми стульями. На столе стояли грязные тарелки с засохшими остатками пищи. В перерывах между истязаниями шлюхи с аппетитом закусывали.

В одной из машин до сих пор был зажат человеческий скелет, кости которого удерживались окаменевшими сухожилиями, колючей проволокой и черным платьем. Женщина. Кости свисали с какого-то подобия стилизованных тисков – рука жертвы до сих пор была зажата в компрессионном механизме.

Прикоснувшись к долго простоявшей без дела панели управления, Дункан раскрыл тиски. Осторожно, с благоговением он поднял рассыпающийся остов, освободил его из железных объятий и опустил на палубу. Тело мумифицировалось и было очень легким.

Ясно, что это была пленница из Бинэ Гессерит, может быть, и Преподобная Мать с одной из планет Ордена, уничтоженных шлюхами. Дункан видел, что несчастной жертве было не суждено погибнуть легкой и скорой смертью. Глядя на высохшие, плотно сжатые мертвые губы, Дункан почти наяву слышал проклятия, которыми женщина осыпала убивавших ее Досточтимых Матрон.

Пользуясь ярким светом стенных панелей, Дункан продолжил осмотр большого помещения и жутких машин. Рядом с дверью, через которую он вошел, Дункан обнаружил ящик из прозрачного плаза. Было видно его ужасающее, отвратительное содержимое: четыре женских скелета, брошенные друг на друга без всяких церемоний. Убиты и выброшены. Все скелеты были одеты в черные платья.

Несмотря на все пытки, какими они подвергли свои жертвы, Досточтимые Матроны не добились нужных им сведений: о местоположении Капитула и о ключе к умению Преподобных Матерей Бинэ Гессерит контролировать свои телесные функции. Огорченные, вышедшие из себя и обезумевшие от злобы шлюхи одну за другой убили своих пленниц.

Дункан молча раздумывал над своим открытием. Никакими словами невозможно выразить то, что он чувствовал. Лучше всего рассказать Шиане об этой ужасной каюте. Она Преподобная Мать и знает, что надо сделать.

Учись распознавать своих злейших врагов. Таким врагом можешь оказаться и ты сам.

Командующая Мать Мурбелла. Архив Капитула

После казни мятежной Досточтимой Матроны, Мурбелла не спешила с приемом делегации Гильдии. Сначала она хотела удостовериться, что все ростки недовольства выдернуты с корнем, и только потом допустить чужестранцев в главное здание Убежища.

Эти мелкие мятежи были похожи на торфяной пожар – стоит затушить пламя в одном месте, как оно вырывается из-под земли в другом. До тех пор, пока ее власть на Капитуле будет оспариваться, Мурбелла не могла обратить внимание на диссидентские поселения Досточтимых Матрон на других планетах с целью превращения этих групп в Новый Орден сестер.

Но надо покончить с недовольством *здесь*, прежде чем они смогут единым фронтом выступить против неизвестного, наступающего из глубин космоса Врага, вытеснившего Досточтимых Матрон с окраин Рассеяния. Для того чтобы противостоять этой главной угрозе, ей потребуется помощь Гильдии, но они уже продемонстрировали недостаток рвения. Это положение нельзя терпеть до бесконечности, и она, Мурбелла, должна переломить ситуацию.

Все шаги будущего плана плавно вытянулись в логическую цепь, прошествшую перед внутренним взором Мурбеллы, как вагоны поезда на магнитной подушке.

К подножию изукрашенного трона шаркающей походкой подошла Беллонда. Она вела себя как деловая, умеющая эффективно работать помощница, при том, что не забывала демонстрировать известную долю почтительности.

– Командующая Мать, делегация Гильдии – как вы и пожелали – проявляет растущее нетерпение. Думаю, что они готовы к встрече с вами.

Мурбелла окинула взглядом ожиревший стан Беллонды. Так как все сестры Бинэ Гессерит умели управлять тончайшими нюансами своего обмена веществ, сам факт, что Беллонда страдала таким ожирением, был своего рода сигналом. Сигналом чего? Мятежа? Стремления показать отсутствие желания быть объектом сексуального интереса? Некоторые могли счесть это пощечиной Досточтимым Матронам, которые пользовались более традиционными средствами для поддержания своего физического совершенства. Сама Мурбелла была склонна считать ожирение Беллонды отвлекающим маневром, способом усыпить бдительность потенциальных противников. Решив, что она слаба и неповоротлива, они станут опрометчиво ее недооценивать. Но Мурбелла знала Беллонду лучше.

– Принеси мне кофе со специей. Я должна быть в отличной умственной форме. Эти люди из Гильдии, несомненно, попытаются манипулировать мною.

– Прикажешь ввести их сейчас?

– Сначала кофе, потом Гильдия. Вызови также Дорию. Я хочу, чтобы вы обе присутствовали на переговорах.

Понимающе усмехнувшись, Беллонда выкатилась из зала.

Готовясь к встрече, Мурбелла выпрямилась, расправила плечи и крепко взялась за твердые, украшенные гладкими камнями су подлокотники трона. После стольких лет насилия, поработив массу мужчин и убив столько же женщин, Мурбелла знала, как выглядеть поистине устрашающе.

Как только Мурбелле принесли кофе, она сделала знак Беллонде. Старая сестра коснулась миниатюрного наушника и приказала ввести в зал просителей из Гильдии.

В зал, понимая, что опаздывает, поспешно вошла Дория. Амбициозная молодая женщина, бывшая теперь главной советницей Командующей Матери от фракции Досточтимых Матрон, выдвинулась благодаря тому, что убила всех своих соперниц, в то время как другие Досточтимые Матроны теряли время на дуэли с врагами из Бинэ Гессерит. Тонкая, как хлыст, Дория поняла, за кем сила, и решила, что лучше быть помощницей победителя, чем вождем побежденных.

– Займите свои места по обе стороны от трона. Кто официальные представители? Прислала ли Гильдия людей, наделенных широкими полномочиями? – спросила Мурбелла. Она знала только одно: делегация Гильдии прибыла в Новый Орден сестер, чтобы потребовать – нет, униженно попросить – у них аудиенции.

До самой битвы за Джанкшн даже Гильдия не знала, где находится Капитул. Орден сестер прятал свою планету за поясом кораблей-невидимок, ее координаты отсутствовали в реестрах Гильдии. Однако после того, как шлюзы открылись, и на Капитул хлынули орды Досточтимых Матрон, местоположение Капитула перестало быть строгой тайной, но все равно не многие чужеземцы могли легко попасть в Убежище.

– Один человек – высший чиновник администрации Гильдии, – произнесла Дория жестким суровым тоном, – и один навигатор.

– Навигатор? – Даже Беллонда не смогла скрыть удивления. – Здесь?

Бросив недовольный взгляд на Беллонду, Дория продолжала:

– Я получила сообщение с причала, где приземлился корабль Гильдии. Это навигатор класса Эдрик, его генные маркеры говорят о происхождении из древнего аристократического семейства.

Мурбелла наморщила свой широкий лоб, просеивая сведения, которыми обладала сама и которые получила из Другой Памяти.

– Администратор и навигатор? – она позволила себе холодную усмешку. – Гильдия действительно хочет сообщить нам нечто очень важное.

– Может быть, это просто раболепство, Командующая Мать? – сказала Беллонда. – Гильдия отчаянно нуждается в специи.

– И должна нуждаться, – злобно фыркнула Дория. Они с Беллондой вечно были на ножах. Хотя подчас их жаркие споры приводили к интересным выводам, сейчас Мурбелла сочла такое поведение ребячеством.

– Довольно, прекратите, обе! Я не допущу, чтобы люди Гильдии видели, как вы пререкаетесь. Эта детская перебранка – признак слабости. – Обе советницы смолкли, словно невидимая сила замкнула им рты.

Двери распахнулись, женщины-стражники встали по обе стороны входа, и в зал вошли одетые в серую одежду мужчины. Пришельцы были приземистыми, лысыми, черты лиц искажены – вообще во всем их облике было что-то уродливое. Гильдия создала новую породу людей, не обращая никакого внимания на физическое совершенство или внешнюю привлекательность; главным считали максимальное развитие интеллекта.

Впереди выступал глава делегации – высокий, одетый в серебристую накидку мужчина. Его лысая голова поблескивала, как отполированный мрамор, только с затылка свисала длинная белая косичка, похожая на скрученный электрический шнур. Административный чиновник остановился и окинул помещение своими молочно-белыми глазами (хотя он не был похож на слепого), потом отступил в сторону, чтобы дать дорогу массивной конструкции, плывшей следом за ним.

За главой делегации по воздуху, подчиняясь силе левитации, плыл большой армированный аквариум, похожий на пузырь неправильной формы, наполненный густыми оранжевыми парами меланжевого газа. По бокам чан скрепляли массивные металлические ребра. Сквозь толстый плаз Мурбелла видела бесформенную массу, утратившую почти всякое сходство с человеческим телом; конечности были рудиментарны и тонки, словно единственным предназначением тела осталось быть стволom, поддерживающим разросшийся мозг. Это был навигатор.

Мурбелла поднялась во весь рост. Это был знак того, что она смотрит на делегацию сверху вниз, а отнюдь не изъявление уважения. Интересно, подумалось Мурбелле, сколько раз такие большие делегации представляли перед политическими лидерами и императорами, запугивая их могущественной монополией Гильдии на осуществление космических перелетов. На этот раз, однако, все было иначе. Навигатор, высший чиновник и пятеро членов Гильдии явились сюда как униженные просители.

Одетые в серое члены Гильдии опустили глаза под взглядом Мурбеллы. Администратор с косой встал перед чаном и отвесил поклон.

– Я – администратор Рентель Горус. Мы представляем Космическую Гильдию.

– Это очевидно и так, – холодно произнесла Мурбелла.

Словно боясь остаться в тени, навигатор подплыл в своем чане к ступеням трона. Раздался голос, искаженный переводчиком-передатчиком, вмонтированным в металлическое ребро:

– Верховная Мать Бинэ Гессерит... или нам следует обращаться к Вам: Великая Досточтимая Матрона?

Мурбелла знала, что большинство навигаторов настолько изолированы от обычного мира, что едва способны общаться с нормальными людьми. Обладая сознанием, свернутым наподобие пространства, они были неспособны к членораздельной речи и прибегали – для того, чтобы говорить с людьми, – к помощи еще более причудливого, чем они сами, и экзотического Оракула Времени. Однако некоторые навигаторы помнили о своем генетическом прошлом, были ему привержены и намеренно останавливали свое ненормальное развитие, чтобы уметь вступать в непосредственную связь с обычными людьми.

– Можешь обращаться ко мне Командующая Мать, если ты будешь делать это с подобающим уважением. Как твое имя, навигатор?

– Эдрик. Многие мои предки говорили с правительствами и властями еще во времена Императора Муад'Дибана.

Он приблизился вплотную к стене чана, и Мурбелла смогла хорошенько рассмотреть нечеловеческие глаза, смотревшие на нее с большой уродливой головы.

– История интересует меня куда меньше, чем ваши нынешние трудности, – сказала Мурбелла, предпочитая использовать стиль Досточтимых Матрон, а не холодный, расчетливый стиль Бинэ Гессерит.

Администратор Горус, не поднимая головы и не разгибаясь, произнес, словно обращаясь к вымощенному плитами полу:

– После уничтожения Ракиса все песчаные черви погибли, и поэтому пустынная планета не является больше источником специй. В довершение всех бед Досточтимые Матроны убили всех Мастеров-тлейлаксу, поэтому утрачен и секрет изготовления специй в лаборатории.

– Какое затруднение, – презрительно усмехнулась Дория.

Продолжавшая стоять Мурбелла так же презрительно опустила уголки губ.

– Вы говорите это так, словно нам все это неизвестно.

Навигатор заговорил снова, заглушив голос Горуса:

– В прежние времена специя была в изобилии, и мы черпали ее из множества источников. Теперь, по прошествии всего лишь десяти лет, у Гильдии остались только ее собственные запасы, и они стремительно истощаются. Нам стало трудно доставать специю даже на черном рынке.

Мурбелла скрестила руки на груди. На лицах стоявших по обе стороны от нее Беллонды и Дории отразилось злорадное удовольствие.

– Но *мы* можем снабжать вас специей. Если, конечно, захотим. А мы захотим, только если вы нас убедите в такой необходимости.

Эдрик беспокойно задвигался в чане. Сопровождающие лица Гильдии отвели взгляды.

Пояс пустынь на Капитуле год от года становился все шире. Случались выбросы специй, а черви постепенно росли, хотя это, конечно, были лишь жалкие тени чудовищ, населявших некогда дюны Ракиса. Несколько десятилетий назад, до того как Досточтимые Матроны уничтожили Дюну, Бинэ Гессерит создали огромные запасы обильной тогда специй. Напротив, Космическая Гильдия – предполагая, что скудные времена прошли и рынок упрочился, – не подготовилась к возможным неприятностям. Даже такой древний торговый конгломерат, как КАНИКТ, потерял бдительность и попал в тяжелое положение.

Мурбелла сделала несколько шагов и приблизилась ближе к чану, пристально глядя на навигатора. Горус умоляюще сложил руки и снова заговорил:

– Причина, по которой мы явились сюда, очевидна... Командующая Мать.

– У меня и моих сестер предостаточно веских оснований отказать вам в поставках.

Эдрик с большим трудом замахал в клубящемся оранжевом тумане своими тонкими перепончатыми ручками.

– Командующая Мать, что мы сделали, чтобы навлечь такую немилость?

В ответ Мурбелла презрительно вскинула тонкие брови.

– Вы знали, что Досточтимые Матроны идут из Рассеяния с оружием, способным уничтожать целые планеты. Но вы все же доставили сюда шлюх, напавших на нас!

– Досточтимые Матроны возвращались из Рассеяния на собственных кораблях. Их собственная технология... – начал оправдываться Горус.

– Но они летели вслепую, они не ориентировались в Старой Империи, до тех пор, пока вы не повели их. Гильдия указала им их цели, привела их к уязвимым, беззащитным планетам. Гильдия повинна в гибели миллиардов людей – не только одного Ракиса, но и нашей библиотечной планеты Лампадас и бесчисленного множества других планет. Все планеты Бинэ Тлейлаксу были сокрушены или завоеваны, а наши сестры, поработанные на Баззелле, собирают камни су для мятежных Досточтимых Матрон, не подчинившихся моей власти. – Она сцепила пальцы. – Космическая Гильдия, пусть даже отчасти, несет ответственность за эти преступления, поэтому мы требуем возмещения.

– Без специи космические путешествия и вся галактическая торговля будут парализованы. – Голос администратора Горуса звенел от неподдельной тревоги.

– Вот как? Совсем недавно Гильдия хвасталась своим союзом с Иксом и пользовалась примитивными навигационными машинами. Пользуйтесь ими, а не навигаторами, если вам не хватает специи. – Она замолчала, ожидая, что он обвинит ее в блефе.

– Это никуда не годная замена, – настаивал на своем Эдрик.

– Корабли Рассеяния прилетели сюда без специи и без навигаторов, – вставила слово Беллонда.

– Но погибло их при этом бесчисленное множество, – возразил Эдрик.

Горус заговорил примирительным тоном:

– Командующая Мать, иксианские машины были лишь резервными устройствами, которые можно использовать только в случае крайней необходимости. Мы никогда на них не рассчитывали. Все корабли Гильдии должны вести только навигаторы.

– Значит, вы показывали эти машины только для того, чтобы сбить цены на меланж? Чтобы убедить жрецов Разделенного Бога и тлейлаксу, что вы не нуждаетесь в том, что они вам продают? – Она сурово сжала губы. В течение всех тех лет, пока Капитул был скрыт от посторонних глаз, сестры не принимали кораблей Гильдии. Они хранили координаты Капитула в своем сознании. – И вот теперь, когда вам требуется специя, никто не продает ее вам. Никто, кроме нас.

У Мурбеллы были свои секреты. Щедрое расточительство меланжа на Капитуле было спектаклем, блефом. Пока черви давали лишь каплю специи, но Бинэ Гессерит держали рынок, неограниченно продавая специю из своих обильных запасов, делая вид, что это специя, произведенная новорожденными червями пустынного пояса. Со временем пустыни Капитула будут так же богаты меланжем, как и пески Ракиса, но пока обман Ордена сестер был нужен для создания впечатления мощи и огромного богатства.

Со временем возникнут новые источники специи на других планетах. Перед тем как наступила долгая ночь нашествия Досточтимых Матрон, Верховная Мать Одраде наугад разослала по вселенной группы сестер на кораблях-невидимках. Они везли с собой песчаных форелей и инструкции по их разведению и созданию новых пустынных миров. Вероятно, уже сейчас где-то в неведомых далях Вселенной создавались новые Дюны.

– Надо избавиться от уникальности, – говорила Одраде тогда и потом, когда ее голос доносился из глубин другой памяти. – Надо миновать узкое место в продукции специй, и тогда в космосе во множестве мест появятся новые источники меланжа.

Пока же на рынке специй господствовала железная монополия Нового Ордена сестер.

Горус поклонился еще ниже, не поднимая своих молочно-белых глаз.

– Командующая Мать, мы заплатим вам столько, сколько вы пожелаете.

– Значит, вы будете платить своими страданиями. Вы когда-нибудь слышали о наказании Бинэ Гессерит? – Она притворно, холодно вздохнула. – Вам отказано в вашей просьбе. Навигатор Эдрик и администратор Горус, вы можете передать своему Оракулу Времени и вашим товарищам навигаторам, что Гильдия получит больше специй, когда... и если... я решу, что для этого есть веские основания.

Она почувствовала жгучее удовлетворение, и поняла, что оно исходит от Одраде. Когда Гильдия как следует проголодается, она будет готова сделать все, что пожелает Мурбелла. Все это были части плана, собранные теперь воедино.

Дрожа, Горус сказал:

– Сможете ли вы, Новый Орден сестер, выжить без Космической Гильдии? Мы приведем сюда армаду кораблей и изымем специю.

Мурбелла мысленно улыбнулась, понимая, что это совершенно пустая угроза.

– Представим на минуту, что вы действительно это сделаете. Неужели вы рискнете допустить, чтобы вся специя была навсегда уничтожена? В складах заложена взрывчатка, кроме того, взрывами будут уничтожены все меланжевые пески, а сами пустыни будут залиты водой, если мы выявим даже косвенную угрозу нападения извне. Погибнут и последние черви.

– Вы так же ужасны, как Пол Атрейдес! – закричал администратор Гильдии. – Он в свое время тоже так угрожал Гильдии.

– Я воспринимаю это как комплимент. – Мурбелла смотрела на растерянного навигатора, плавающего в наполненном парами меланжа чане. Лысина администратора блестела от пота.

Теперь Мурбелла обратилась к пятерым членам Гильдии, облаченным в серые одежды.

– Поднимите головы и посмотрите мне в глаза, все! – Все пятеро одновременно, не скрывая страха, подняли головы. Горус тоже вскинул голову, а навигатор прижал изуродованное лицо к прозрачной плазмовой стенке аквариума.

Мурбелла обратилась к представителям Гильдии, но слова ее прежде всего предназначались двум фракциям женщин, слушавших переговоры в большом зале.

– Корыстолюбивые глупцы, надвигается куда более грозная опасность – Враг, который оказался таким сильным, что сумел изгнать Досточтимых Матрон из Рассеяния. Мы все это знаем.

– Мы все слышали об этом, Командующая Мать. – В голосе администратора Гильдии были слышны скептические нотки. – Но мы не видели доказательств.

Глаза Мурбеллы сверкнули.

– О да. Они идут, но опасность так велика, что никто – ни Новый Орден сестер, ни Космическая Гильдия, ни КАНИКТ, ни даже Досточтимые Матроны – не знают, как ее избежать. Мы истощали свои силы, тратя энергию на бессмысленную борьбу, игнорируя реальную опасность. – Она взмахнула подолом покрытого змеиным узором платья. – Если Гильдия окажет нам необходимую помощь в грядущей битве и проявит при этом подобающую самоотверженность, то я подумаю о том, чтобы снова открыть для вас наши запасы специй. Если же мы не сможем объединиться перед наступающим на нас Врагом, то препирательства по поводу меланжа будут самой маленькой из всех наших бед.

На самом ли деле Мастера держат в руках управляющие нами нити – или мы можем запутать в них Мастеров?

Алеф, Мастер-тлейлаксу (предположительно, генетическая реплика лицедела)

Представители лицеделов собирались в конференц-зале одного из кораблей Гильдии, ставшем убежищем для бежавших тлейлаксу. Лицеделов вызвали вернувшиеся из Рассеяния мудрецы селекции, чтобы дать им новые инструкции.

Тлейлаксу второго ранга Уксталь явился на встречу для ведения протокола и наблюдения за регламентом. Он не собирался выступать, ибо его речь могла лишь навлечь на него недовольство лучших. Он не был персоной достаточно важной, чтобы взять на себя ответственность самостоятельного выступления, особенно в присутствии человека, равного по рангу Мастеру – одного из тех, кто называл себя старейшинами. Но Уксталь был уверен, что его талант и рвение рано или поздно будут замечены и оценены по заслугам.

Он был истинным тлейлаксу: серая кожа, детское хрупкое сложение, личико эльфа, тело набито металлом и устройствами блокировки, никто не сможет похитить тайны генетики – этого Божьего языка – у уцелевшего тлейлаксу.

На высоком стуле во главе стола уже восседал похожий на эльфа-переростка старейшина Бурах, когда в зал начали один за другим входить лицеделы. Их было восемь, священное число, как знал Уксталь из древних писаний и расшифровок тайного гностического смысла сохранившихся слов пророка. Несмотря на то что старейшина Бурах велел этим изменчивым существам явиться сюда, Уксталь не покидало тяжелое чувство, которое он не мог выразить словами.

Лицеделы выглядели как ничем не примечательные члены экипажа. За те годы, что они находились на борту, неприметно, но толково выполняя свои обязанности, даже члены Гильдии не заподозрили подмену. Эта новая порода лицеделов инфильтрировала буквально все области Старой Империи, они могли пройти почти все тесты на подлинность и даже обмануть бдительность узнающей правду ведьмы. Бурах и другие лидеры вернувшихся из Рассеяния тлейлаксу злорадно хихикали, потирали руки и говорили, что одержали победу, пока Досточтимые Матроны и Бинэ Гессерит занимались какой-то возней, готовясь к отражению таинственного Врага. Настоящее вторжение уже давно началось, и Уксталь благоговел перед впечатляющими успехами, достигнутыми его народом. Он был горд, что и он – один из тлейлаксу.

По команде Бураха лицеделы заняли свои места, почтительно обращаясь к одному из них, бывшему, видимо, их представителем (хотя Уксталь думал, что все они генетически идентичны, как трутни пчелиного роя). Наблюдая за ними и ведя протокол, Уксталь не мог отделаться от мысли, что, возможно, у лицеделов есть своя тайная организация, как и у тлейлаксианских лидеров. Но нет, конечно же, нет. Эти меняющие личину создания были сотворены для того, чтобы быть исполнителями, а не свободными мыслителями.

Уксталь сидел молча, постоянно напоминая себе, что не имеет права голоса. Позже он изготовит копии протокола и разошлет их другим вождям вернувшихся тлейлаксу. Его задача – быть помощником. Если он будет хорошо трудиться, то со временем его повысят в ранге, и он, вероятно, станет старейшиной народа. Может ли быть у него мечта более величественная? Он станет одним из новых Мастеров!

Старейшина Бурах и современный кхель, совет, представляли расу вернувшихся тлейлаксу и их великую веру. Помимо Бураха было еще шесть старейшин – всего их было семь, но священное число – восемь. Он никогда не высказывал этого вслух, но чувствовал, что скоро

они назначат еще одного старейшину, а может быть, даже выдвинут на этот высокий пост его, Уксталя, чтобы привести в соответствие число старейшин со священным числом.

Глядя на лицеделов, Бурах недовольно поджал губы.

– Я требую отчета о ваших действиях. Какие записи сумели вы найти и спасти на уничтоженных планетах тлейлаксу? Мы очень мало знаем об их технологиях и поэтому не можем достойно продолжить священный труд. Наши падшие братья знали гораздо больше того, что нам удалось открыть. Это неприемлемо.

Вожак лицеделов, одетый в форму Гильдии, безмятежно улыбнулся в ответ. Он повернул голову к своим товарищам, словно не слыша вопроса старейшины Бураха.

– Я получил следующий пакет приказов. Наши первоначальные инструкции остаются неизменными. Нам надо найти корабль-невидимку, исчезнувший с Капитула.

К безмерному удивлению Уксталя, остальные лицеделы отвернулись от Бураха и дружно уставились на своего предводителя. Старейшина нервно стукнул маленьким кулачком по столу.

– Исчезнувший корабль-невидимка? Зачем он нам нужен, этот корабль? Кто вы – да, вы? Я не могу отличить вас от других, даже по запаху.

Вожак лицеделов взглянул на Бураха, словно соображая, следует ли удостоить его ответом или нет.

– В данный момент меня зовут Хрон.

Сидевший у обитой медными плитами стены Уксталь переводил взгляд с невинных физиономий лицеделов на старейшину Бураха. Он не мог уловить природу подводных течений в беседе, но чувствовал странную угрозу. Некоторые вещи просто ускользали от его понимания.

– Ваша первоочередная задача, – упрямо продолжал Бурах, – заново открыть, как производить меланж, используя биологические чаны. Наших старых знаний, каковые мы увезли с собой в Рассеяние, хватает на то, чтобы изготавливать гхола, но мы не умеем делать специю, у нас нет технологии, разработанной нашими сводными братьями во времена Великого Голода, много лет спустя после того, как наш род тлейлаксу отбыл в Рассеяние.

Когда заблудшие тлейлаксу вернулись, братья приняли их весьма настороженно, они признали вернувшихся, но заблудшие оставались на правах граждан второго сорта, и Уксталь полагал, что это нечестно. Но и он, и все его сотоварищи, блудные сыновья, – согласно религии тлейлаксу, – смиренно приняли это унижение, помня важнейшие слова из катехизиса Великой Веры: «Только истинно заблудший может надеяться на отыскание истины. Путеводная нить не в картах, но в промысле Божьем».

Время шло, и вернувшиеся старейшины поняли, что это не они «зablудшие», от истинной Великой Веры отступились прежние Мастера. Только заблудшие тлейлаксу – воля которых закалилась в невзгодах Рассеяния – сохранили верность заповедям Бога, а еретики впали в заблуждение. Со временем заблудшие осознали, что им придется просветить отступников или уничтожить их. Уксталь знал – ему много раз говорили об этом, – что заблудшие тлейлаксу выше оставшихся.

Старые Мастера были подозрительным племенем, однако они так и не поверили прибывшим, пусть даже эти прибывшие принадлежали к той же расе. В этом случае подозрения и паранойя не были столь уж беспочвенными, ибо заблудшие действительно вступили в союз с Досточтимыми Матронами. Заблудшие использовали этих страшных женщин как полезное орудие внушения истинной Великой Веры своим непокорным сводным братьям. Шлюхи уничтожили все исконные планеты тлейлаксу, убили всех старых Мастеров (это была, пожалуй, избыточная мера, на взгляд Уксталя), но победа далась очень и очень нелегко.

Во время совещания Хрон и его товарищи вели себя совсем не так, как от них ожидали. В обшитой медными листами каюте нарастало какое-то напряжение, поведение лицеделов изменилось, и это вызывало озабоченность старейшины Бураха.

– Наши первоочередные задачи отличаются от ваших, – дерзко произнес Хрон.

Уксталь перестал дышать. Бурах был разозлен до такой степени, что лицо его из серого стало багрово-синюшным.

– Другие первоочередные задачи? Что может быть выше моего приказа, приказа старейшины тлейлаксу? – Он рассмеялся скрипучим – как железом по стеклу – смехом. – Ах да, теперь я вспомнил эту старую глупую историю! Вы имеете в виду таинственных старика и старуху, которые общаются с вами издалека?

– Да, – ответил Хрон. – Согласно их выкладкам, на исчезнувшем корабле-невидимке находится кто-то или что-то очень для них важное. Мы должны найти это, захватить и доставить им.

Уксталь был настолько взволнован и возмущен, что не сдержался и заговорил:

– Что это за старик со старухой? – Никто не никогда не говорил ему вещей, которые он так страстно хотел знать.

Бурах снисходительно посмотрел на помощника.

– Это заблуждения лицеделов.

Хрон посмотрел на старейшину сверху вниз, как на капризного недоростка.

– Их проекции и рассуждения неоспоримы. На борту корабля-невидимки уже есть или скоро появится необходимое средство, способное оказать решающее влияние на исход финальной битвы за Вселенную. Эта задача важнее ваших поисков источника специ.

– Но... но откуда вам все это известно? – спросил Уксталь, сам удивляясь своей смелости. – Это что, пророчество?

Он попытался вообразить подходящий численный код, спрятанный в писаниях.

Бурах зло прикрикнул на помощника:

– Пророчества, предзнание или какие-то глупые математические вычисления – все это не имеет никакого значения!

Хрон поднялся и как будто стал выше ростом.

– Напротив, это вы не имеете никакого значения. – Он обернулся к своим товарищам лицеделам, а старейшина был потрясен настолько, что утратил дар речи. – Мы должны направить все наши усилия, применить все наши способности для того, чтобы найти пропавшее судно. Мы вездесущи, но прошло три года, и этого корабля простыл и след.

Остальные семеро лицеделов закивали головами и заговорили все одновременно, гудя, как растревоженный пчелиный улей.

– Мы найдем его.

– Они не смогут уйти от нас.

– Тахионная сеть раскинута и продолжает сжиматься.

– Корабль-невидимка будет найден.

– Я не давал вам разрешения на эти глупые поиски! – закричал Бурах, и Уксталь захотелось поддержать его. – Вы будете следовать моим распоряжениям. Я велел вам обследовать захваченные планеты тлейлаксу, осмотреть лаборатории падших Мастеров и узнать, каким образом они изготавливали меланж биологическими методами. Это нужно и необходимо не только нам, с помощью этого метода мы сможем уничтожить монополию Бинэ Гессерит на меланж и получить от этого невиданную коммерческую выгоду. – Он произносил эту страстную речь, словно ожидая, что лицеды сейчас встанут по стойке смирно и дружно выкрикнут свое одобрение.

– Нет, – решительно произнес Хрон. – Это не совпадает с нашими намерениями.

Уксталь застыл на месте, пораженный ужасом. Он даже в мыслях не смел перечить старейшине, а ведь это были всего лишь лицеды! Он прижался спиной к стене, желая слиться с нею. Такого вообще не могло и не должно быть никогда.

Разозленный и растерянный Бурах раскачивался взад-вперед в своем кресле.

– Мы создали лицеделов, и они будут выполнять наши приказы. – Он презрительно фыркнул и поднялся на ноги. – Зачем я вообще вступаю с вами в пререкания?

Все лицеделы, словно это был один организм, разом встали. Они расположились так, чтобы заблокировать старейшине путь к отступлению. Он снова сел, и было видно, что он сильно испуган.

– Вы уверены, что нас создали заблудшие тлейлаксу... может быть, вы просто нашли нас в Рассеянии? Это правда, в далеком туманном прошлом какой-то Мастер-тлейлаксу создал наше семя. Он произвел необходимые модификации и рассеял нас до края Вселенной незадолго до рождения Пол-Муад'Диб. Но с тех пор мы сильно эволюционировали.

Мгновенно, словно с их лиц сдернули покрывало, Хрон и его товарищи превратились в зыбкие колеблющиеся контуры. Неприметные заурядные человеческие лица растаяли, и лицеделы превратились в свои исходные пустые копии с ужасающе нечеловеческими чертами безликих морд: глубоко посаженные черные глазки, пуговка зачаточного носа, косая щель рта. Кожа стала бледной и вязко-податливой, рудиментарные волосы – щетинистыми и бесцветными. Используя генетические карты, они могли формировать свои мышцы, кости, кожу и другие органы для того, чтобы в совершенстве имитировать настоящее человеческое тело.

– Нам не надо больше тратить силы на поддержание иллюзий, – объявил Хрон. – Это обман и притворство стали пустой потерей времени.

Уксталь и Бурах, не в силах скрыть ужаса, смотрели на них.

Хрон между тем продолжал:

– Давным-давно прежние Мастера-тлейлаксу создали генетический код существ, которыми стали мы. Вы, старейшина Бурах, и ваши товарищи – ничто, вы лишь жалкие копии, размытая память о прежнем величии вашей расы. Нам оскорбительно, что такие, как вы, считают себя нашими хозяевами.

Трое лицеделов подошли к высокому креслу старейшины Бураха. Один встал у него за спиной, а двое – по бокам, будто взяв его под стражу. На лице Бураха все явственнее проступал страх.

Уксталь чувствовал, что сейчас упадет в обморок. Он едва осмеливался дышать, ему хотелось бежать, но он понимал, что на борту много других лицеделов, их больше восьми, и живым ему не уйти.

– Немедленно прекратите, я приказываю вам! – Бурах попытался встать, но два стоявших по обе стороны от него лицедела схватили его за сутулые плечи и заставили сесть.

Заговорил Хрон:

– Нет ничего удивительного в том, что вас называют заблудшими. Вы, Мастера Рассеяния, всегда были слепы.

Стоявший за спиной старейшины лицедел протянул вперед руки и обхватил голову Бураха, прикрыв ему глаза. Указательными пальцами лицедел надавил на глазницы, одновременно ладонями сжимая череп. Глазные яблоки лопнули, по щекам Бураха потекла кровь, смешанная с прозрачной жидкостью.

Хрон деланно усмехнулся.

– Может быть, твои товарищи тлейлаксу сделают тебе старые добрые механические глаза, или вы уже забыли и эту технологию?

Дикий крик Бураха резко оборвался, когда лицедел дернул его за голову, сломав шею. В мгновение ока тело лицедела съежилось, потеряло четкость очертаний и приобрело миниатюрность мертвого старейшины. Когда перевоплощение завершилось, лицедел сцепил крошечные пальцы и с улыбкой посмотрел на распростертое на полу окровавленное тело.

– Заменили еще одного, – удовлетворенно произнес лицедел.

«Еще одного?» Уксталь оцепенел, едва сдерживая крик и желая только одного – стать невидимым.

Теперь лицеделы обратились к нему. Не способный ни на что, Уксталь смог только съежиться и поднять руки в знак того, что сдается, хотя и сомневался, что это ему поможет. Они убьют и заменят его, и никто и никогда этого не узнает. Из горла Уксталя вырвался тихий стон.

– Мы не собираемся и дальше притворяться, будто вы – наши хозяева, – сказал Хрон Уксталью.

Лицеделы отошли от тела Бураха. Копия наклонилась и вытерла окровавленные пальцы об одежду старейшины.

– Однако для того, чтобы исполнить весь план, нам все же нужны некоторые процедуры тлейлаксу, поэтому мы оставим небольшой запас их генов – если они окажутся качественными. – Хрон подошел вплотную к Уксталью и сурово посмотрел ему в глаза. – Ты теперь понимаешь, кто здесь главный? Ты понимаешь, кто твой настоящий хозяин?

В ответ Уксталь смог лишь хрипло выдать:

– Д-да, конечно.

Три года блужданий на этом корабле! Наш народ определенно понимает, что такое поиск Земли Обетованной. Мы выдержим это испытание, как выдерживали все другие испытания. Мы будем терпеть, как терпели всегда. Но все же, все же, голос сомнений внутри меня вопрошает: «Знает ли кто-нибудь, куда мы направляемся?»

Раввин. Речь, обращенная к последователям, на борту корабля-невидимки

Еврейским пассажирам была дана на корабле вся свобода передвижения, которую они только могли пожелать, но Шиана знала, что у каждой тюрьмы есть решетки, а у каждого лагеря – стены.

Единственная Преподобная Мать среди еврейских беженцев, женщина по имени Ребекка, искала эту границу очень прилежно и с тихим, но неумным любопытством. Шиана всегда находила в ней нечто интригующее, Ребекка была дикой Преподобной Матерью, прошедшей испытание специей, но не получившей подготовку сестры Бинэ Гессерит. Сама эта идея занимала Шиану, но такие аномалии происходили в истории и раньше. Шиана часто сопровождала Ребекку в ее блужданиях по судну, и каждая из этих прогулок была скорее исканиями духа, нежели поиском какой-то определенной палубы или каюты.

– Мы что, снова начнем скитаться по кругу? – жалобно спросил Раввин, увязавшийся за ними. Бывший доктор Сукк, он привык оценивать возможный результат, прежде чем ввязываться в какое-то дело. – Почему я должен тратить время на пустые блуждания, когда можно провести его за изучением слова Божьего?

Раввин вел себя так, словно они силой заставили его идти с ними. Он полагал, что должен изучать Тору ради изучения Торы, но Шиана понимала, что еврейские женщины изучают Тору для того, чтобы найти практическое применение закона. Ребекка превзошла в этом всех других.

– Вся жизнь – нескончаемый путь. Мы движемся по нему в темпе самой жизни, невзирая на то, идем ли мы или сидим на месте, – сказала Шиана.

Раввин скорчил недовольную гримасу и обернулся к Ребекке, ища поддержки, но тщетно.

– Не надо цитировать мне банальности Бинэ Гессерит, – сказал он. – Еврейский мистицизм намного древнее всего того, что придумали вы, ведьмы.

– Вы хотите, чтобы я цитировала Каббалу? Многие люди, жизни которых сокрыты во мне, изучали Каббалу, несмотря на то, что им нельзя было этого делать. Еврейский мистицизм очарователен.

Раввин пришел в некоторое замешательство, как будто у него украли какую-то очень дорогую для него вещь. Он поправил на носу очки и подошел ближе к Ребекке, как будто стараясь защитить ее от Шианы.

Каждый раз, когда Раввин присоединялся к разговору двух женщин, дебаты превращались в стычку между ним и Шианой. Старик настаивал на том, что наука – это поле битвы, а не мудрость, которую Шиана носила в себе в виде Другой Памяти. Эта способность позволяла Шиане чувствовать себя практически невидимой. Несмотря на ее влияние на пассажиров корабля, на ее авторитет, Раввин не считал, что Шиана может сделать что-то существенное для нужд евреев, а Ребекка держала свои мысли при себе.

Они прошли по извилистому коридору, спустились с одной палубы на другую – Ребекка шла впереди. Свои длинные каштановые волосы она заплела в косу, и вплетенные в нее серые нити придавали косе сходство с топляком. На Ребекке было надето ее обычное свободное блеклое серое платье.

Раввин шел рядом с ней, явно стараясь оттеснить Шиану назад. Шиана находила это в высшей степени забавным.

Раввин никогда не упускал возможность просвещать Ребекку, когда ее мысли отклонялись от того узкого и ограниченного пути, каковой он считал подобающим и правильным поведением. Он часто запугивал Ребекку, напоминая ей, что она была необратимо запятнана в его глазах тем, что сделали с ней сестры Бинэ Гессерит. Несмотря на все презрение и озабоченность старика, Шиана знала, что Ребекка заслужила вечную признательность Ордена сестер.

Много лет назад тайная еврейская община заключила пакт о взаимопомощи с Бинэ Гессерит. Орден сестер предоставлял им убежище, уберегая их от погромов и защищая от предвзятых рассудков, когда новые волны нетерпимости и насилия захлестывали детей Израиля. В обмен на это евреи обязывались защищать сестер Бинэ Гессерит от Досточтимых Матрон.

Когда свирепые шлюхи явились на Лампадас, планету библиотеки Ордена, с явным намерением уничтожить сестер, Бинэ Гессерит разделили свою Другую Память. Миллионы жизней были влиты в тысячи душ, эти тысячи передали Память сотням, а эти сотни передали все неоценимое достояние одной Преподобной Матери – Луцилле, которая бежала с бесценным и невозполнимым знанием.

Бежав на Гамму, Луцилла попросила убежища в тайной еврейской общине, но Досточтимые Матроны пришли и туда, охотясь за ней. Единственным способом сберечь сокровища Лампадаса было разделить Память с неожиданным реципиентом – дикой Преподобной Матерью Ребеккой. После этого Луцилла добровольно принесла себя в жертву.

Так Ребекка стала обладательницей всех тех отчаянных и беспокойных мыслей, которые сохранились в ее мозге и после того, как шлюхи убили Луциллу. Потом Ребекка принесла бесценное сокровище Ордену Бинэ Гессерит, спасенные знания Лампадаса были разделены между женщинами Капитула. Так евреи исполнили свои древние обязательства.

«Долг есть долг, – думала Шиана. – Честь есть честь. Истина есть истина».

Но она понимала, что Ребекка необратимо изменилась, пережив этот опыт. Да и как могла она не перемениться, прожив жизнь миллионов сестер Бинэ Гессерит – миллионов мысливших по-разному, переживших великое множество удивительнейших событий, приняв в себя мнения и поведение, бывшие подлинным проклятием для Раввина? Не было поэтому ничего удивительного в том, что Шиана и Ребекка пугали, страшили его. Что же касается Ребекки, то несмотря на то, что она передала свою память другим, в ней осталась калейдоскопическая цепь жизней, возвращавших их носительницу в прошлое каждой из них. Как можно было ожидать, что она простым мановением руки отбросит все это и просто вернется к заучен-

ному знанию, к вычитанной в книгах мудрости? Она потеряла невинность, и даже Раввин должен был это понять.

Старик был учителем и наставником Ребекки. До Лампадаса она могла спорить с ним, оттачивая свой ум и интеллект, но тогда она ни на йоту не сомневалась в нем, своем учителе. Шиане было жаль того, что потеряла эта женщина. Теперь она не могла не видеть огромных пробелов в интеллекте и знаниях Раввина. Ужасная вещь – понимание того, что твой наставник мало знает. Знания старика о Вселенной касались лишь небольшой верхушки айсберга. Ребекка однажды призналась Шиане, что ей не хватает прежних невинных отношений со стариком, но, увы, восстановить их было уже невозможно.

Раввин носил белую кипу на лысеющей голове. Он шел уверенной твердой походкой рядом с Ребеккой. Унылая одежда свободно висела на его тщедушном теле, но Раввин отказался от новой. Седая борода стала еще белее за прошедшие годы, резко контрастируя с темной кожей лица, но тем не менее Раввин по-прежнему мог похвастаться отменным здоровьем.

Несмотря на то что словесные споры, казалось, нисколько не задевали Ребекку, Шиана научилась не давить на Раввина и не переходила определенную грань в их философских спорах. Каждый раз, когда старик не мог найти подходящий аргумент, он запальчиво цитировал Тору, независимо от того, насколько хорошо понимал он скрытый смысл цитаты, и замолкал с торжествующим видом победителя.

Так они бродили по судну, переходя с палубы на палубу, пока не спустились в трюм, где находилась корабельная гауптвахта. Этот похищенный корабль был построен в Рассеянии, на нем летали Досточтимые Матроны, вероятно, с помощью двуличной Космической Гильдии. На каждом большом судне – начиная с эпохи парусных кораблей почти забытой Земли – были особые камеры для содержания мятежников. Раввин занервничал, когда понял, куда ведет их Ребекка.

Шиана точно знала, кого содержат на гауптвахте – футаров. Как часто навещает Ребекка этих созданий, этих полузверей? Шиана подумала о том, не использовали ли шлюхи помещения гауптвахты как камеры пыток, как казематы древней Бастилии. Или, может быть, опасных узников вообще не держали на борту судна?

Опасных узников. Нет ничего и никого более опасного, чем эти четверо футаров – зверолюдей, созданных во мраке Рассеяния, гибридов, одинаково близких как людям, так и животным. Это были прирожденные охотники с жесткой щетинистой шерстью, длинными клыками и острыми когтями, животные, рожденные для того, чтобы выслеживать и убивать.

– Зачем мы спустились сюда, дочка? Чего ты хочешь от этих... этих нечеловеческих существ?

– Я всегда ищу ответы, Равви.

– Это достойная цель, – произнесла стоявшая за их спинами Шиана.

Раввин повернулся к ней и желчно сказал:

– Некоторые ответы не стоят того, чтобы их знать.

– А некоторые ответы помогают нам защититься от неизвестного, – сказала Ребекка, но по ее голосу было ясно, что она даже не рассчитывает убедить старика.

Ребекка и Шиана остановились перед прозрачной стенкой одной из камер, и теперь Раввин встал за их спинами. Шиану всегда интриговали футары, несмотря на то, что одновременно они вызывали у нее отвращение. Даже в заключении они поддерживали свою физическую форму, тренировали мышцы, бегали и крадучись расхаживали по камерам. Звери двигались бесцельно, разделенные перегородками, кружа от задней стенки к плазовой двери и обратно, обследуя место своего заточения.

«Хищники-оптимисты, – подумалось Шиане. – Да они и не могут быть другими». Она видела и понимала их скрытую до времени силу, их примитивные потребности. Футарам отча-

янно хотелось бегать по лесу, отслеживать добычу и вонзать когти и клыки в беззащитную живую плоть.

Во время битвы за Гамму еврейские беженцы явились к армии Бинэ Гессерит, требуя защиты во исполнение старого соглашения. В то же время на борт явились и четыре бежавших футара, просивших доставить их к «укротителям». Хищники были оставлены на борту корабля-невидимки дожидаться решения Бинэ Гессерит относительно их дальнейшей судьбы. Улетая в никуда на невидимке, Шиана и Дункан брали на борт всех.

Почувствовав приближение посетителей, один из футаров подбежал к прозрачной стене камеры. Прижавшись к стене и дрожа всем телом, покрытым жесткой колючей шерстью, он сверкнул своими оливково-зелеными глазками и спросил:

– Вы укротители? – Футар принюхался, но стена была непроницаема для запахов. С явным разочарованием и недовольством он ссутулил плечи и заковылял прочь. – Вы не укротители.

– Здесь дурно пахнет, дочка, – произнес Раввин дрожащим голосом. – Здесь что-то не в порядке с вентиляцией.

Шиана не заметила, чтобы здесь чем-то пахло.

Ребекка искоса взглянула на него, на узком лице ее появилось вызывающее выражение.

– Почему вы так ненавидите их, Равви? Они не виноваты в том, что они такие. – Может быть, она обращалась больше к себе самой?

Ответ был довольно правдоподобным:

– Они не суть божьи твари, Ки-лайим. Тора недвусмысленно запрещает межвидовое скрещивание. Два разных животных не могут даже тянуть один плуг на пашне. Эти футары... не имеют права быть, это неправильные создания по многим причинам. – Раввин скорчил недовольную гримасу. – Ты и сама должна это хорошо знать, дочка.

Четверо футаров продолжали неумолимо расхаживать по своим камерам. Ребекка не знала, чем можно им помочь. Где-то в Рассеянии неизвестные селекционеры, укротители, вывели породу футаров, чтобы отслеживать и убивать Досточтимых Матрон, которые в отместку захватили и сломали нескольких футаров. Улучив момент, эти зверолоуды бежали от Матрон на Гамму.

– Зачем вам так нужны укротители? – спросила Шиана футара, не зная, поймет ли он ее вопрос.

Быстрым змеиным движением футар вскинул голову и подошел к стене.

– Нужны укротители.

Подойдя ближе, Шиана увидела огонь насилия и жестокости в глазах футара, но в этих же глазах она уловила разум, смешанный с неизбывной тоской.

– Зачем вам нужны укротители? Они ваши хозяева, а вы – их рабы? Или вас связывают какие-то иные узы?

– Нужны укротители. Где укротители?

Раввин покачал головой, намеренно не обращая внимания на Шиану.

– Ты видишь, дочка? Животным неведома свобода. Они понимают только свои врожденные инстинкты и помнят только то, чему научил их дрессировщик.

Он схватил Ребекку за тонкую руку, притворяясь, что хочет придать себе силу, и оттащил ее от камеры. Старик вел себя так, что Шиана ощутила отвращение, которым веяло от Раввина, как жаром от печи.

– Эти гибриды омерзительны, – произнес он тихо, и в его голосе прозвучало что-то звериное.

Ребекка переглянулась с Шианой и сказала:

– Я видела много куда более омерзительных вещей, Равви. – Эту фразу могла понять любая Преподобная Мать.

Они отошли от гауптвахты, и в этот момент Шиана увидела, что к ним несется со всех ног запыхавшаяся Гарими. Девушка, несмотря на торопливость, сохраняла грацию и спокойствие, подобающие сестре Бинэ Гессерит. Но лицо ее было бледным и взволнованным.

– Куда более омерзительных? Мы только что обнаружили одну такую мерзость, оставленную здесь шлюхами.

У Шианы встал ком в горле.

– Что вы нашли?

– Старую камеру пыток. Ее нашел Дункан. Он просит тебя прийти.

Мы предаем тело этой нашей сестры вечному покою, но разум ее и память никогда не успокоятся. Даже смерть не может отвлечь Преподобную Мать от ее трудов.

Заупокойная церемония Бинэ Гессерит

Закаленный во многих битвах военачальник баши Майлс Тег проводил в последний путь великое множество людей, но эти похороны выглядели зловещими и незнакомыми – то были почести, возданные за давно перенесенные страдания, которые Бинэ Гессерит отказывались забыть.

В торжественном молчании все пассажиры корабля стояли на главной палубе возле маленького грузового шлюза. Помещение было огромным, но сто пятьдесят человек тесными рядами выстроились вдоль стены. Шиана, Гарими и еще две Преподобные Матери – Эльен и Калисса – встали на возвышение в центре. Неподалеку от ворот шлюза, задрапированные в черное, лежали тела пяти замученных жертв, найденных в камере пыток Досточтимых Матрон.

Рядом с Шианой, между нею и Тегом, стоял Дункан, оставив штурманскую рубку на время прощания. Несмотря на то что по форме он являлся капитаном корабля-невидимки, эти сестры из Бинэ Гессерит ни за что не могли позволить, чтобы обыкновенный мужчина – пусть даже гхола, имевший за плечами сотню жизней, – командовал ими.

С того момента, когда они вынырнули из причудливо изуродованной Вселенной, Дункан ни разу не запускал двигателя Хольцмана и не менял курс. Без верной навигации каждый прыжок в свернутое пространство был сопряжен с большим риском, и теперь корабль-невидимка висел в космосе без всяких координат. Конечно, Дункан мог составить карту близлежащих звездных систем, пользуясь дальними проекциями, и наметить планеты, пригодные для исследования, но пока он оставил корабль плыть без руля и ветрил.

За три года, проведенные в другой вселенной, они не встретили никаких следов старика и старухи и никаких признаков хитро сплетенной сети, на существовании которой продолжал настаивать Дункан. Несмотря на то что Тег в общем-то доверял опасениям Дункана относительно таинственных охотников, юный баши все же желал конца или по крайней мере остановки в их одиссее.

Гарими плотно сжала губы, глядя на мумифицированные останки.

– Видишь, мы были правы, бежав с Капитула. Разве нужно еще какое-нибудь доказательство того, что ведьмы и шлюхи так и не соединились друг с другом?

Шиана возвысила голос, обращаясь ко всем:

– Три года мы несли на борту тела наших павших сестер, даже не зная, что они здесь, с нами. Все это время они не знали покоя. Эти Преподобные Матери умерли, не разделив свою

память, не добавив свои жизни к Другой Памяти. Мы можем только гадать, но никогда точно не узнаем, какие муки претерпели они, прежде чем шлюхи убили их.

– Мы знаем, что они отказались передать сведения, которых шлюхи пытались от них добиться, – заговорила Гарими. – Капитул оставался защищенным, а наше сокровенное знание скрытым до тех пор, пока не был заключен нечестивый союз Мурбеллы.

Тег мысленно кивнул. Когда Досточтимые Матроны вернулись в Старую Империю, то потребовали у сестер Бинэ Гессерит выдать тайну управления обменом веществ, чтобы впредь избавиться от возможных эпидемий, вроде той, какую наслал на них Враг. Сестры отказались и заплатились за это жизнью.

Никто не знал происхождения Досточтимых Матрон. После эпохи Великого Голода где-то в самых отдаленных уголках Рассеяния дикие Преподобные Матери могли встретиться с остатками отрядов Говорящих Рыб Императора Лето II. Но это смешение не могло породить семя мстительного насилия в их генетическом коде. Шлюхи уничтожали целые планеты, придя в ярость сначала от отпора со стороны Бинэ Гессерит, а затем со стороны древних тлейлаксу. Тег понимал, что за последние десять лет в камерах пыток накопилось много погибших Преподобных Матерей.

Старый баши на собственном опыте познакомился на Гамму со следователями Досточтимых Матрон и с их ужасающими орудиями пыток. Даже закаленный в боях, не раз смотревший в глаза смерти военачальник не смог выдержать пытку Т-зондами. Эта пытка изменила его, правда, не так, как рассчитывали эти женщины...

По церемониалу Шиана назвала по именам всех женщин (их удостоверения были найдены в одежде), а потом прикрыла глаза и опустила голову. То же самое сделали и все остальные. Эта минута молчания была эквивалентом молитвы в Ордене Бинэ Гессерит, моментом, когда каждая сестра давала свое благословение отходящим душам тех, кто лежал перед ними.

Потом Шиана и Гарими вынесли одно из тел в воздушный шлюз. Выйдя из небольшого отсека, они ждали, когда Эльен и Калисса вынесут следующую павшую сестру. Шиана отказала Тегу и Дункану в просьбе помочь.

– Погребение жертв злобной жестокости шлюх – наша забота.

Когда все мумифицированные тела были уложены в шлюзе, Шиана заперла внутренние двери и включила систему выброса.

Все притихли, слушая, как свистит воздух в маленькой камере. Потом наружные ворота шлюза открылись, и все пять тел были вынесены из шлюза потоком оставшегося воздуха. Они поплывут в космосе, не зная ни дома, ни пристанища... как и все на борту «Итаки». Как спутники корабля-невидимки, завернутые в черные саваны, они какое-то время сопровождали корабль, а потом стали отдаляться от него, и вскоре черные силуэты стали неразличимы на фоне черного космического мрака.

Дункан принял к иллюминатору, разглядывая уменьшающиеся тела. Тег видел, что Айдахо был глубоко тронут тем, что нашел тела замученных женщин и саму камеру пыток. Внезапно Дункан словно оцепенел, на лице его отразилась сильная тревога, он еще плотнее прижался лицом к плазу иллюминатора, хотя Тег не видел ничего, кроме обычной черноты космического пространства и далеких звезд.

Тег знал Дункана лучше, чем кто-либо другой на борту.

– Дункан, что ты?..

– Сеть! Разве ты не видишь? – Он резко обернулся. – Сеть, раскинутая стариком и старухой. Они опять нас нашли – а в штурманской рубке никого!

Растолкав плечами сестер Бинэ Гессерит и людей Раввина, Дункан бросился к дверям зала.

– Надо активировать двигатели Хольцмана и свернуть пространство, прежде чем мы окажемся в ловушке!

Благодаря своей особой чувствительности – вероятно, из-за гена, который тлейлаксу тайно включили в его геном гхола, – только Дункан мог ясно видеть сквозь туманную ткань Вселенной. И вот теперь, три года спустя, старая чета снова нашла корабль-невидимку.

Тег побежал за Дунканом, понимая, однако, что лифт поднимет их на верхнюю палубу слишком медленно. Они могут опоздать. Понимал Тег также и то, что в этой сумятице и неразберихе он может попробовать сделать то, чего в глубине души очень опасался. Обежав толпу людей, собравшихся посмотреть на похороны, и пройдя мимо лифтовой шахты, Тег выбежал в пустой коридор. Там, в дали от любопытных посторонних глаз Майлс Тег *ускорился*.

Очень немногие знали об этой его уникальной способности, но слухи и рассказы о невероятных вещах, удававшихся старому баши, могли возбудить подозрение. Во время пытки у Досточтимых Матрон он открыл в себе способность запускать с огромной мощностью обмен веществ и перемещаться с высокой скоростью. Страшные муки, вызванные иксианским Т-зондом, высвободили этот неведомый дар, заключенный в переданных от Атрейдесов генах баши. Когда его тело ускорялось, Тегу казалось, что вселенная замедляет свое движение, а он может двигаться с такой скоростью, что простой хлопок мог бы убить любого, кто попытался бы его схватить. Именно так он убил сотни Досточтимых Матрон и их миньонов в их крепости на Гамму. Новое тело гхола сохранило эту способность, но он проявил эту способность только один раз, когда его новое тело пробудилось к жизни. Его десятилетнее тело было тогда слишком слабо, чтобы выдержать подобную нагрузку. Но с тех пор прошло целых три года.

Тег не знал, долго ли будет сохраняться этот дар, но думал, что теперь он не исчезнет. В прошлом, из страха, сестры Бинэ Гессерит не терпели мужчин, одаренных необыкновенными способностями, и Тег точно знал, что эти женщины ответственны за убийство нескольких человек, обладавших Мужской Мерзостью. Боясь сотворить нового Квизац Хадерача, сестры лишили многих потенциальных преимуществ.

Это напомнило ему о том, как человеческая цивилизация в ходе Батлерианского джихада отбросила все аспекты компьютерной технологии из-за ненависти к воплощению зла – мыслящим машинам. Он помнил старую поговорку о ребенке, которого выплеснули из корыта вместе с водой, и боялся, что его постигнет такая же судьба, если сестры узнают о его необыкновенном даре.

Тег ворвался в штурманскую рубку и бросился к панели управления двигателем. Майлс активировал исполинские двигатели Хольцмана, задав курс наугад – без Дункана и без навигатора. Но какой у него был выбор? Он лишь надеялся, что «Итака» не столкнется со звездой или случайно подвернувшейся на пути планетой. Но как бы ни была ужасна такая перспектива, она все же лучше, чем попасть в руки старика и старухи.

Пространство свернулось, и корабль-невидимка провалился в никуда, вынырнув непонятно где, далеко от нитей сети, готовых его опутать, и далеко от тел пяти замученных сестер Бинэ Гессерит.

Почувствовав облегчение от сознания выполненного долга, Тег замедлил обмен веществ до нормального уровня. Тело пылало жаром, голову и лицо заливал горячий пот. Он чувствовал себя так, словно спалил себя на несколько лет вперед. Он почувствовал волчий голод. Дрожа, Тег откинулся на спинку кресла. Очень скоро ему потребуется восполнить огромное количество потраченных калорий едой – углеводами с восстанавливающей дозой меланжа.

Открылась дверь лифта, и в рубку влетел Дункан Айдахо. Увидев Тега за панелью управления, Дункан остановился как вкопанный, посмотрел в иллюминатор и увидел незнакомое звездное небо.

– Сети больше не видно. – Тяжело дыша, он вопрошающе уставился на Тега. – Майлс, как ты сюда попал? Что произошло?

Тег постарался отвлечь Дункана от этого вполне естественного вопроса.

– Я свернул пространство – благодаря твоему предостережению. Я побежал к другому лифту, и он оказался быстрее твоего. – Он вытер струившийся по лицу пот. Дункан явно не верил такому объяснению, и баши лихорадочно обдумывал новый отвлекающий маневр. – Мы оторвались от паутины?

Дункан посмотрел в иллюминатор на черную пустоту вокруг корабля.

– Это очень плохо, Майлс. Едва только мы вынырнули в обычное пространство, охотники снова учуяли наш след.

Есть ли более страшное чувство, чем то, какое испытываешь, стоя на краю пропасти, на дне которой пустое будущее? Когда впереди лишь умирание – и не только одного тебя, но и всего того, что было достигнуто твоими отцами и дедами? Если мы, тлейлаксу, рухнем в пучину небытия, то какое тогда значение будет иметь наша долгая история?

Мастер-тлейлаксу Скитале. «Мудрые мысли для моих потомков»

После погребальной церемонии и бегства от расставленной кораблю космической паутины последний настоящий Мастер-тлейлаксу Скитале вернулся в свою каюту, сел возле иллюминатора и принялся размышлять о своей брэнной природе.

Скитале был схвачен и доставлен на борт корабля-невидимки больше, чем за десять лет до того, как Шиана и Дункан бежали на нем с Капитула. Тлейлаксу больше не был просто пленником, спасающимся от преследований Досточтимых Матрон. Корабль улетел... Впрочем, Скитале и сам не знал куда.

Конечно, шлюхи, собравшиеся на Капитуле, несомненно убили бы его, если бы пронюхали о его существовании. И он, и Дункан Айдахо были обречены на смерть. По крайней мере здесь Скитале в безопасности – его не достанет ни Мурбелла, ни ее миньоны. Впрочем, других неприятностей было больше, чем достаточно.

Когда они вернулись на Капитул, тлейлаксу держали во внутренней каюте, не давая никуда выходить. Ведьмы вполне могли модифицировать суточный цикл, коварно изменив биологический ритм организма Скитале. Они могли заставить его забыть сроки наступления священных дней и исказить его представление о течении времени, хотя на словах они отдавали должное великой вере тлейлаксу, уверяя, что разделяют священные истины исламиата.

Скитале подтянул худые тонкие ноги к груди и уселся, обхватив руками колени. Все это не имеет никакого значения. Несмотря на то что сейчас ему позволяли передвигаться по большей части помещений корабля, чем раньше, его заключение все равно оставалось чередой невыносимых дней и лет, независимо от того, на сколь малые отрезки членить прошедшее время.

Обширность его скудно обставленных апартаментов и позволение перемещаться по кораблю не могли заставить его забыть о том, что он остается заточенным в темницу узником. Скитале разрешалось покидать палубу только под пристальным надзором. Прошло так много времени, неужели они думают, что он может что-то предпринять против них? Если «Итака» будет блуждать вечно, то в конце концов они снимут все запреты. Но и сам тлейлаксу предпочитал жить в изоляции от других пассажиров.

Уже давно никто не общался с ним. *Грязный тлейлаксу!* Он думал, что они боятся его испорченности... или просто получают удовольствие от того, что держат его в изоляции. Никто не рассказывал ему о планах, никто не говорил, куда все же направляется огромный корабль.

Ведьма Шиана догадывалась, что он скрывает что-то важное. Он не мог ей лгать, из этого все равно не вышло бы ничего хорошего. В самом начале путешествия Мастер неохотно выдал тайну изготовления специй в биологических чанах. Он предложил важное решение, так как было неизвестно, хватит ли запасов меланжа на весь – никому не известный – срок путешествия. Это признание – одна из его самых ценных сделок – не было лишено эгоизма, ибо и сам Скитале страшился абстиненции. Он отчаянно торговался с Шианой и в конце концов вытребовал в вознаграждение право доступа к базе данных библиотеки и право жить в более обширной каюте корабля-невидимки.

Шиана знала, что обладает тлейлаксу и еще одной важной тайной, невероятно ценным, жизненно необходимым знанием. Ведьма чувствовала это нутром! Но Скитале не видел крайней необходимости раскрывать этот секрет. Во всяком случае, пока.

Насколько Скитале знал, он был единственным исконным Мастером-тлейлаксу. Заблудшие предали свой народ, заключили нечестивый союз с Досточтимыми Матронами, которые уничтожили одну за другой все планеты, населенные тлейлаксу. Он видел, когда бежал с родины, начало свирепого нападения шлюх на священный город Бандалонг. От одного этого воспоминания на глаза Скитале навертывались слезы.

«Неужели только благодаря поражению стал я махаем, Мастером Мастеров?»

Скитале бежал от неумолимых Досточтимых Матрон и попросил у Бинэ Гессерит убежища на Капитуле. О да, ведьмы сохранили ему жизнь и предоставили убежище, но не хотели вступать с ним ни в какие переговоры до тех пор, пока он не откроет им свои священные секреты. Все без исключения! Сначала им понадобилась методика создания гхола, и он был вынужден открыть им эту тайну. Через год после уничтожения Ракиса они вырастили гхола баши Майлса Тега. Потом Верховная Мать вынудила его рассказать, как использовать чаны для производства меланжа, но Скитале отказался, посчитав это слишком большой уступкой.

К несчастью, он слишком затянул со своими откровениями, дожидаясь более благоприятного момента – к тому времени, когда он решил раскрыть секрет, сестры Бинэ Гессерит уже нашли другое решение. Они взяли с собой маленьких червей, и теперь источник специй был обеспечен. Какая же глупость была торговаться с ведьмами! Вести с ними переговоры! Доверять им! Козырь оказался битым до тех пор, пока пассажирам «Итаки» не потребуется специя.

Из всех тайн Скитале оставалась только одна, самая великая, но даже страшная нужда не могла до сих пор заставить его открыть ее. До сих пор, но час настал.

Все изменилось. Все.

Скитале взглянул на нетронутые остатки еды. Повиндахская еда, нечистое чужеземное варево. Они пытаются замаскировать нечистоту, чтобы он ел эту гадость, однако он всегда подозревал, что в блюда подмешивают нечистые продукты. Но у него нет выбора. Неужели про року угодно, чтобы он умер от голода, отказавшись от еды, несмотря на то, что он единственный оставшийся в живых Великий Мастер? В одном нем, в Скитале, сосредоточено теперь будущее его могущественного некогда народа, только в нем сохранилось знание языка Бога. Сейчас его выживание важнее, чем когда-либо.

Он зашагал вдоль периметра каюты, меряя стены крохотными шажками. На плечи тяжким грузом давило безмолвие. Теперь он точно знал, что надо делать. Он пожертвует остатками своего достоинства и тайным знанием; он должен получить преимущество – столько, сколько возможно.

Времени уже нет.

Он испытал приступ дурноты, желудок завязался в тугой узел, и Скитале схватился за живот. Рухнув на лежанку, Скитале изо всех сил старался унять пульсирующую боль в голове и бунт кишок. Он чувствовал, как в него вползает неумолимая смерть. Прогрессирующий телесный упадок пустил корни в теле и разливался теперь по нему, прогрызая ткани, пучки мышц и нервные волокна.

Мастера-тлейлаксу никогда не думали, что все закончится так плачевно. Скитале и другие Мастера жили долго, каждому было отпущено по многу жизней. Тела их умирали, но каждый раз их восстанавливали, пробуждали память, и так один гхола следовал за другим и так далее, до бесконечности. Очередной гхола всегда был готов на случай, если в нем вдруг возникнет нужда.

Будучи генетическими кудесниками, тлейлаксу создали свой путь перехода из одного физического тела в другое. Эта схема выполнялась много тысячелетий, и сами мастера впали в непростительное самодовольство. Ослепленные гордыней, они не думали о том, в какую бездну может свергнуть их злая судьба.

Теперь планеты тлейлаксу опустели и заросли сорной травой, лаборатории разграблены, гхола Мастеров уничтожены. Сам Скитале не мог рассчитывать на перевоплощение. Дух не мог перейти в другое тело.

И теперь он умирает.

Создавая одну за другой копии гхола, Мастера не тратили усилий на усовершенствования, ибо это было бы вызовом всемогуществу Бога – только Он один, но не человек, мог быть без изъяна. Поэтому в гхола накапливались мутации и генетические ошибки, что со временем приводило к сокращению продолжительности жизни каждого следующего гхола.

Скитале и другие мастера предпочитали думать, что сокращение продолжительности жизни не имеет никакого значения, так как они могли в любой момент перевоплотиться в новое, свежее тело. Какая разница – проживешь ты лишние одно-два десятилетия или нет, если цепь перевоплощений оставалась неразрывной?

К несчастью, теперь Скитале столкнулся с этим фатальным изъяном, столкнулся *один*. Здесь не было гхола и не было биологических чанов, с помощью которых он смог бы воссоздать свое тело. Но ведьмы могут это сделать...

Скитале не знал, сколько времени ему отпущено.

Тлейлаксу тонко чувствовал процессы, происходившие в его организме, и его невероятно мучило старение тела. При самом оптимистическом прогнозе жить ему оставалось не более пятнадцати лет. У Скитале был еще один секрет, который он ни за что не желал делать предметом торга. Но теперь последние рубежи его обороны были прорваны. Как единственный хранитель секретов и памяти тлейлаксу, он не мог откладывать решение. Выживание важнее, чем любые тайны.

Он коснулся своей груди, того места, куда была вшита капсула с нулевой энтропией, маленькая сокровищница законсервированных клеток, которые тлейлаксу собирали много тысяч лет. Здесь хранились ключевые исторические фигуры – их генетический набор в клетках из соскобов с мертвых тел. Здесь были Мастера-тлейлаксу, лицеделы... даже Пол-Муад'Диб, герцог Лето Атрейдес и Джессика, Чани, Стилгар, тиран Лето II, Гарни Холлик, Сафир Хават и другие легендарные личности, вплоть до Серены Батлер и Ксавьера Харконнена из эпохи Батлерианского джихада.

Сестры отдадут все за обладание этим сокровищем. Дарование ему свободы будет минимальной уступкой в сравнении с тем, что он потребует от них взамен. Он потребует своего гхола, свое *продолжение*.

Скитале с трудом сглотнул, ощутив запах смерти и понимая, что пути назад нет. «Выживание важнее секретов», – еще раз мысленно напомнил он себе.

Он направил сигнал вызова Шиане. Он сделает ведьмам такое предложение, от которого они не смогут отказаться.

Мы носим наш Грааль в голове. Обращайся с ним нежно и почтительно, если он вдруг появится на поверхности сознания.
Верховная Мать Дарви Одраде

Пахло специей, сырой и необработанной; в воздухе висел острый едкий запах смертоносной Воды Жизни. Запах страха и торжества, муки, которую должна пережить каждая потенциальная Преподобная Мать.

«Умоляю, – думала Мурбелла, – пусть моя дочь переживет это, как пережила я». Она и сама не знала, кому возносит эту горячую молитву.

Она – Командующая Мать и должна являть образец силы и уверенности – не важно, что происходило при этом в ее душе. Но Риния – одна из двойняшек, последняя тонкая ниточка, связывавшая ее с Дунканом. Тесты показали, что Риния умна, талантлива и, несмотря на юный возраст, готова. Из двойняшек именно она отличалась напористостью, целеустремленностью, дерзанием невозможного. Она хотела стать Преподобной Матерью в том же возрасте, что и Шиана. Четырнадцать лет, подумать только! Мурбелла восхищалась дочерью, но и страшно боялась за нее.

Откуда-то послышался низкий голос Беллонды, она, как всегда, препиралась со своей вечной соперницей – Досточтимой Матроной Дорией. Обычная история. На этот раз парочка сцепилась в коридоре Убежища Капитула.

– Она еще молода, слишком молода! Она – ребенок...

– Ребенок? – возразила Дория. – Она дочь Командующей Матери и Дункана Айдахо!

– Да, у нее сильная наследственность, но все равно это безумие. Риск очень велик. Пусть она подождет еще хотя бы год.

– Отчасти она Досточтимая Матрона. Одно это поможет ей пройти испытание.

Они обе замолчали, когда из передней прокторы вывели Ринию, готовую к испытанию. Будучи Командующей Матерью и Преподобной Матерью Бинэ Гессерит, Мурбелла не имела права проявлять предпочтения или выказывать любовь даже в отношении собственной дочери. Больше того, большинство детей Ордена даже не знали, кто их родители.

Риния родилась всего на несколько минут раньше своей сестры Джейнис. Девочка – одаренная от природы – выросла амбициозной, нетерпеливой и, без сомнения, талантливой, а у ее сестры, хотя и она была наделена теми же чертами, преобладала осторожность. Риния же всегда хотела быть первой.

Мурбелла внимательно приглядывалась к выдающимся качествам дочерей, следила за их поведением в трудных ситуациях, и согласилась исполнить желание Ринии. Если кто-то и обладает превосходящими средние способностями, так это она – во всяком случае, так думала сама Риния.

Наступившие тяжелые времена заставляли Новый Орден Сестер постоянно пополнять ряды; получить новую Преподобную Мать стоило даже ценой риска потери дочери. Если Риния потерпит неудачу, у нее никогда не будет другого шанса. Никогда. У Мурбеллы тоскливо сжалось сердце.

Неторопливо и методично прокторы привязали Ринию к столу, чтобы она не могла двигаться во время перехода. Одна из прокторов слишком сильно рванула завязку на левом запястье, и девушка дернулась от боли, а проктор скорчила недовольную гримасу – совсем как Досточтимая Матрона! Но Риния не стала жаловаться. Губы ее беззвучно шевельнулись, и Мурбелла угадала древнюю как мир литанию против страха.

«Я не должна бояться...»

Хорошо! По крайней мере девочка не настолько заносчива, чтобы не понимать всю тяжесть и весь кошмар того, что ее ожидало. Мурбелла вспомнила свои ощущения.

Взглянув на дверь, за которой наконец перестали пикироваться Беллонда и Дория, Мурбелла увидела, что в помещение вошла младшая из близняшек. Джейнис назвали в честь давно умершей женщины, которая когда-то в незапамятные времена спасла Дункана Айдахо от Харконненов. Дункан рассказал эту историю Мурбелле в одну из ночей любви, нисколько не сомневаясь, что Мурбелла тотчас забудет ее. Сам он так и не узнал имен своих дочерей: Ринии, Джейнис, Танидии, которая начала проходить послушничество, и Джанны – этой последней исполнилось недавно три года, она родилась перед самым бегством Дункана.

Джейнис не слишком охотно пришла сюда, но решила не оставлять сестру во время сурового испытания. Джейнис откинула с лица вьющиеся темные волосы, в глазах ее читался страх, она не хотела думать, что может произойти что-то страшное после того, как Риния примет смертоносный яд. Мука специй. Сами эти слова звучали таинственно и страшно.

Мурбелла перевела взгляд на стол. Дочь продолжала шептать литанию: «Страх убивает разум...»

Кажется, Риния не заметила прихода сестры, да и вообще забыла о присутствии в комнате других женщин. Воздух был насыщен едким запахом горькой специй и пропитан надеждами. Командующая Мать не имела права вмешиваться, она не могла даже взять дочь за руку, чтобы успокоить девушку. Правда, Риния была преисполнена силы и мужества. Ритуал этот был не игрушкой, речь шла о стойкости и способности выжить. Это была схватка со смертью.

«Страх – это малая смерть, грозящая полной гибелью...»

Анализируя (как и подобает настоящей Преподобной Матери Бинэ Гессерит) свои чувства, Мурбелла думала, боится ли она потерять Ринию как потенциальную и ценную Преподобную Мать или как личность, как свою дочь. Или она больше боится потерять одно из немногих ощутимых напоминаний о давно утраченном Дункане?

Ринии и Джейнис было по одиннадцать лет, когда корабль-невидимка исчез с планеты, унося на борту их отца. Близняшки были тогда послушницами, беспрекословно исполнявшими строгие предписания Ордена Бинэ Гессерит. До бегства Дункана дочерям так и не было позволено повидаться с отцом.

Мурбелла и Джейнис встретились взглядами, и на мгновение в глазах матери и дочери промелькнуло какое-то чувство. Мурбелла отвернулась и стала смотреть на стол, чтобы поддержать Ринию своим присутствием. Явное напряжение на лице дочери раздувало пламя ее собственных сомнений.

В комнату вошла красная от злости Беллонда, нарушив торжественную медитацию. Беллонда взглянула на искаженное тревогой лицо Ринии, потом посмотрела в глаза Мурбелле.

– Приготовления закончены, Командующая Мать.

Стоявшая за спиной Беллонды Дория добавила:

– Нам надо начинать.

Привязанная к столу Риния с трудом приподняла голову, перевела взгляд с сестры на мать, а потом ободряюще улыбнулась Джейнис.

– Я готова, и ты тоже будешь готова, сестра. – Она снова положила голову на стол и продолжила шептать литанию:

– *Я встречу свой страх...*

Не говоря ни слова, Мурбелла подошла к Джейнис и встала рядом с ней. Девушка едва сдерживала свое смятение. Мурбелла взяла ее за запястье, и дочь не вырвала руку. Что она знала? Какие сомнения высказывали друг другу эти послушницы в своей палатке прошлой ночью?

Одна из прокторов наполнила жидкостью шприц и пальцами раскрыла Ринии рот. Девушка не сомкнула губы, когда проктор вставила ей в рот носик шприца.

Мурбелле хотелось крикнуть дочери, что она ничего никому не должна доказывать. Испытание можно проходить только при абсолютной готовности. Но это Риния. Даже если она сомневается, она все равно не отступит. Она упряма и твердо решила пройти испытание с начала и до конца. Мурбелле же было запрещено вмешиваться. Сейчас она Командующая Мать, а не просто живая мать живой дочери.

Испытание началось. Риния закрыла глаза, приняв неизбежное. Рот был плотно сомкнут, ничто не могло вывести ее из равновесия. Мурбелла много раз видела такое выражение на лице Дункана.

Неожиданно Джейнис рванулась вперед, не скрывая больше своего возмущения.

– Она не готова! Разве вы этого не видите? Она говорила мне. Она знает, что не может...

Встревоженная шумом Риния повернула голову, но прокторы уже включили насос, подающий зелье. В комнате резко запахло специей, и Джейнис попыталась вырвать шланг изо рта Ринии.

С неожиданной для ее массивной фигуры ловкостью Беллонда резко толкнула плечом Джейнис, повалив ее на пол.

– Джейнис, прекрати! – рявкнула Мурбелла со всей резкостью, на какую была способна. Дочь вскочила, и тогда Мурбелла воспользовалась Голосом. *Стой!* Мускулы девушки словно окаменели, она застыла на месте, как пригвожденная.

– Вы попусту убиваете недостаточно подготовленную сестру! – закричала Джейнис. – Мою сестру!

Мурбелла ответила внезапно севшим голосом:

– Нельзя так вмешиваться в ритуал. Ты отвлекаешь Ринию в самый опасный момент.

Одна из прокторов объявила:

– Несмотря на помеху, у нас все получилось. Риния приняла Воду Жизни.

Яд начал действовать.

Смертоносная эйфория разлилась по жилам Ринии, вторглась в клетки тела, вызывая их на смертельный поединок. Риния увидела свое будущее. Подобно навигатору Гильдии, она могла теперь отыскать безопасный путь за завесой времени, прозревая препятствия и барьеры, застилавшие взор. Она видела себя на столе, видела мать и сестру, не способных скрыть тревогу. Но видела она их словно сквозь замутненное стекло.

«Я дам ему дорогу надо мной и во мне...»

Потом произошло что-то необратимое; словно с окон сорвали шторы, и в комнату хлынул ослепительный беспощадный свет. Риния увидела свою смерть – она ничего не могла сделать, чтобы избежать ее. Ничего не могла сделать и Джейнис, кричавшая от ужаса. И Мурбелла поняла: «Она знает».

Запертая в собственном теле, Риния ощутила рвущую боль, поднимавшуюся от сердца к мозгу.

«А когда он пройдет, внутренним оком я разгляжу его след. Где прошел страх, ничего не будет. Останусь только я...»

Риния повторила литанию до конца. Потом она вообще перестала что-либо чувствовать.

Риния извивалась на столе в мучительных судорогах, стараясь вырваться из пут. Лицо девочки превратилось в искаженную маску потрясения, боли и страха. Глаза остекленели, почти отворачившись от всего земного.

Мурбелла не могла кричать, не могла даже говорить. Она стояла, неподвижная, как статуя, хотя в ее душе бушевала буря. Джейнис знала! Или она сама все это подстроила?

На какой-то момент Риния впала в забытие, веки ее подрагивали, а потом она испустила страшный крик, который словно клинок прорезал воздух.

Медленным, как во сне, движением Мурбелла потянулась к мертвой дочери, провела пальцами по еще теплой коже щеки. Откуда-то сзади доносились отчаянные рыдания Джейнис, слившиеся с рыданиями самой Мурбеллы.

Только постоянной и упорной практикой достигаем мы способности реализовать потенциал – достичь совершенства – нашей жизни. Те из нас, кто прожил более одной жизни, имеют больше возможности для практики.

Дункан Айдахо. «Тысяча жизней»

В зале с нейтральными стенами Дункан оценивающим взглядом мерил своего соперника, держа в одной руке короткий меч, а в другой – кинжал. Майлс Тег не отводил взгляд своих стальных глаз. Мягкий пол и обивка стен поглощали почти все звуки.

Было бы ошибкой считать этого юнца обыкновенным мальчишкой. В точности рефлексов и быстроте реакции Майлс не уступал любому бойцу, и скорее всего даже превосходил их... Дункан чувствовал в нем что-то еще, какую-то сверхъестественную способность, которую юный баши искусно скрывал.

Но, в конце концов, подумал Дункан, все мы так поступаем.

– Активируй поле, Майлс. Надо быть готовым ко всему. К любой неожиданности.

Соперники протянули руки к поясам и нажали на кнопки активатора. Вокруг Майлса и Дункана возникли маленькие, тихо жужжащие защитные полуполя – прямоугольное марево, повторявшее очертания тела и готовое защитить самые уязвимые места.

Эти стены и плотный пол хранили множество дорогих Дункану воспоминаний, как нестираемые пятна на непроницаемых плитах. Они с Мурбеллой часто тренировались здесь, оттачивая мастерство боевого искусства... Эти тренировки не раз заканчивались бурным сексом. Дункан был ментат, поэтому воспоминания эти никогда не сотрутся в его памяти, они будут вечно связывать его с Мурбеллой, они как рыболовные крючки намертво врезались ему в душу.

Надо было исполнить ритуальный боевой танец. Дункан скользнул вперед и коснулся поля Тега. Раздался треск поляризующегося металла, и в воздухе резко запахло озоном. Противники отступили на шаг, отсалютовали друг другу клинками и приступили к тренировке.

– Сегодня повторим методы древнего Гинаца, – сказал Дункан.

Юноша сделал резкий выпад кинжалом. Тег сильно напоминал Дункану герцога Лето – и это было не случайностью, а результатом целенаправленной селекции Бинэ Гессерит.

Ожидая обманного движения, Дункан парировал удар сверху, но баши мгновенно среагировал и нанес реальный удар, кольнув клинком в центр малого поля. Однако он поспешил. Тег был пока мало знаком с таким странным способом ведения боя, и поле Хольцмана отразило удар.

Дункан отступил назад, коснувшись поля Тега мечом и показав, что смог бы проникнуть сквозь него, а затем сделал еще шаг назад.

– Это архаичный способ поединка, Майлс, но он таит в себе множество угроз для противника. Несмотря на то что техника была разработана еще до Муад'Дибана, можно сказать, что зародилась она в более цивилизованные времена.

– Никто больше не изучает искусство мастеров меча.

– Именно, именно! Поэтому ты будешь располагать искусством, каким не владеет никто, кроме тебя. – Они снова сошлись, раздался металлический лязг от ударов меча о меч и кинжала о кинжал. – И если Скитале сказал правду, и в его нуль-энтропийной трубке действительно находится то, что он говорит, то скоро мы познакомимся и с многими другими людьми, помнящими те древние времена.

Недавнее неожиданное признание Мастера-тлейлаксу вызвало у Дункана поток воспоминаний о прошлых прожитых им жизнях. Небольшая нуль-энтропийная капсула, имплантированная под кожу, хранила – в виде тщательно сохраненных клеточных проб – выдающихся и легендарных исторических личностей! Шиана и врачи Сукк из Ордена Бинэ Гессерит проанализировали клетки и определили, какое генетическое сокровище отдал им тлейлаксу в обмен на свою свободу и своего гхола.

Вероятно, там были Сафир Хават и Гарни Холлик, и многие другие давно умершие товарищи Дункана. Герцог Лето Справедливый, леди Джессика, Пол Атрейdes, предавшаяся Мерзости Алия, бывшая когда-то возлюбленной и сожительницей Дункана. Эти образы преследовали его, заставляя чувствовать невыносимое одиночество, к которому, однако, примешивалась и надежда. Существует ли в действительности будущее или оно есть лишь вновь и вновь повторяющееся прошлое?

Его жизнь – точнее, жизни – всегда имели вполне определенное направление. Он был легендарным Дунканом Айдахо, воплощением верности. Но теперь более, чем когда-либо, он чувствовал себя забытым и одиноким. Было ли бегство с Капитула верным решением? Кто были старик и старуха, чего они хотели? Были ли именно они Внешним Врагом или представляли собой самостоятельную угрозу?

Даже Дункан не знал, куда летит «Итака». Найдут ли он и его товарищи по путешествию пристанище или они так и обречены скитаться до конца своих дней? Возмущала сама мысль о бегстве и необходимости скрываться.

Дункан знал о том, каково быть объектом охоты, лучше, чем кто-либо на борту, это было ввевшееся в плоть и кровь чувство, приобретенное еще в раннем детстве самой первой жизни, еще при Харконненах. Тогда, будучи ребенком, он сыграл роль добычи для Твари Раббана. Раббан и его подручные выпустили мальчика в заповедник и принялись на него охотиться, но Дункан тогда перехитрил своих преследователей, найдя контрабандистов и пилота их корабля, на котором и улетел с планеты. Джейнис... так звали ту женщину. Он вспомнил, как рассказывал эту давнюю историю Мурбелле, когда они, истомленные, лежали на пропитанных потом простынях.

Почувствовав, что противник отвлекся, Тег рубанул, сделал выпад и наполовину пронзил защитное поле. Дункан быстро отступил, довольно улыбаясь.

– Отлично, ты учишься владеть своим телом.

Лицо Майлса не дрогнуло. Отсутствие умения управлять своим телом не относилось к числу слабостей баши.

– Мне показалось, что ты отвлекся, и я решил этим воспользоваться.

Дункан прищурился.

– Хорошо, я предпочитаю, чтобы ты пользовался и таким оружием. Но ты мог бы ускориться и в мгновение ока меня обезоружить. Мы еще не забыли, на что ты способен.

Казалось, Тег немного встревожился.

– Я мог это делать. Но если бы ты только знал, как это изматывало старого баши, а я ведь всего-навсего его гхола. Я же не знаю, что может выдержать мое новое тело. – Словно смутившись, он отвернулся. – Я не хотел бы напоминать об этом сестрам. Ты и Шиана видели меня раньше, но я сомневаюсь, чтобы еще кто-то на борту знал об этой моей способности. Если Гарими... ну, ты же знаешь, как они пугаются, когда мужчина вдруг проявляет какие-то неожиданные способности. Для меня это небезопасно.

Глядя на стоявшего перед ним юношу, со лба которого стекал пот, Дункан представил себе странно раздвоенный образ. Когда-то, будучи стариком, прежний баши воспитывал и тренировал гхола Дункана Айдахо, а потом, после смерти Тега на Ракисе, гхола Дункана Айдахо воспитывал и тренировал заново рожденного мальчика. Не станет ли это бесконечным циклом? Дункан Айдахо и Майлс Тег – вечные товарищи, вечные спутники, чередующие роли наставника и ученика, вечные и неизменные роли в разные периоды жизни?

– Помню, как я учил молодого Пола Атрейдеса технике мастеров меча. У нас был тренировочный мек в замке Каладан, и Пол научился поражать его при любом уровне сложности. Но все равно, он куда успешнее сражался с живыми противниками.

– Я предпочитаю видеть врага, из которого течет кровь, когда я поражаю его.

Дункан рассмеялся.

– Пол однажды сказал почти то же самое.

Они сражались еще около часа, но Дункан не мог сосредоточиться, одна мысль отвлекала его от древнего искусства поединка. Что, если Мастер-тлейлаксу сказал правду, и можно будет вернуть из прошлого всех друзей и товарищей, и тогда эти воспоминания перестанут быть просто тягостными бесплотными образами? Они станут живыми, настоящими людьми.

Иллюзии, Майлс. Иллюзии – вот их стиль. Формирование ложных впечатлений для достижения реальных целей – так действуют тлейлаксу.

Джейнет Роксбраф-Тег. Мать Майлса Тега

Сломленный страхом перед лицеделами и вынуждаемый делать все, что они приказывали, Уксталь был отправлен на Тлейлакс с «важной миссией». Хрон, сохраняя на лице совершенно бесстрастное выражение, пояснил маленькому напуганному человечку, что «Досточтимые Матроны нашли в руинах Бандалонга нечто весьма для нас интересное. Нам нужна ваша экспертиза».

Священный Бандалонг! На мгновение благоговейный трепет затмил робость и страх. Уксталь слышал легенды об этом некогда величайшем городе, душе народа, но сам никогда там не был. Очень немногие из заблудших тлейлаксу пользовались доверием подозрительных старых Мастеров. Сам Уксталь всегда лелеял надежду совершить хадж в Бандалонг, святое паломничество. Правда, не так...

– Ч-что я могу сделать? – Заблудший тлейлаксу содрогался от одной мысли о том, что могут потребовать от него эти перевертыши, эти изменники лицеделы. Прямо на его глазах они убили старейшину Бураха. Теперь они могут подменить любого члена Совета Старейшин! Каждое мгновение жизни превратилось для Уксталя в подлинный кошмар; он понимал, что любой из окружавших его людей мог на поверку оказаться поддельным. Уксталь вздрагивал и настораживался при каждом звуке, при каждом движении.

«Но все-таки я жив. – Он уцепился за эту спасительную мысль. – Пока я жив!»

– Ты же умеешь работать с аксолотль-баками, правильно? Ты обладаешь знаниями, достаточными для того, чтобы вырастить гхола по нашему требованию?

Уксталь понимал, что его убьют, если он даст неверный ответ.

– Для того, чтобы вырастить гхола, необходимо женское тело, специально подготовленное, чтобы матка стала фабрикой. – Он с трудом проглотил слюну, лихорадочно соображая, как ему стать более внушительным в глазах этих лицеделов. Гхола? Тлейлаксу низших каст ничего не смыслили в божественном языке, необходимом для выращивания плоти, но, будучи членом

высшей касты, Уксталь способен это делать. Возможно, если лицеделы смогут ему немного помочь и предоставят человека, обладающего некоторыми дополнительными познаниями.

Уксталь поежился от воспоминания, явственно представив себе кровь, текущую из глазниц старейшины Бураха, и хруст позвонков, когда лицеделы сломали старику шею.

– Я выполню то, о чем вы просите.

– Отлично. Ты – единственный оставшийся в живых тлейлаксу, который способен на это.

Единственный?.. Уксталь почувствовал, что ему не хватает воздуха. Что Досточтимые Матроны нашли в Бандалонге? И что хотят сделать с этой находкой лицеделы? Однако он не посмел спросить об этом Хрона. Да он и не желал ничего знать. Слишком большая осведомленность убивает.

Досточтимые Матроны вызывали у Уксталя почти такой же страх, как перевертыши-лицеделы. Заблудшие тлейлаксу заключили со шлюхами союз против старых мастеров, и теперь Уксталь понимал, что Хрон и его сотоварищи заключили с Матронами свою сделку. Уксталь не имел ни малейшего понятия, кому служили новые лицеделы. Неужели они смогли стать независимыми? Это невероятно, это просто непостижимо!

Прибыв на центральную планету тлейлаксу, Уксталь был потрясен масштабами разрушений. Применяв свое страшное, разрушительное оружие, Досточтимые Матроны буквально испепелили планету, устроив серию невиданных всесождений. Несмотря на то что Бандалонг не был полностью уничтожен, ранен он был почти смертельно; дома были полуразрушены, Мастера схвачены и перебиты, а тлейлаксу низших каст стонали под железной пятой новых правителей. Полностью уцелели только самые мощные сооружения, включая дворец Бандалонга. В этих зданиях теперь обитали Досточтимые Матроны.

Выйдя из терминала восстановленного космического порта, Уксталь задрожал при виде неприветливых высоких и сильных женщин. Они были всюду, расхаживая в своих облегающих трико и безвкусных накидках. Они не работали, они только надзирали и наблюдали за выполнением работ. В поте лица трудились лишь уцелевшие представители низших нечистых каст. По крайней мере он, Уксталь, будет избавлен от этой участи. Хрон выбрал для него работу поважнее.

Терминал челночного сообщения был восстановлен с явными дефектами, в стенах щели, неровно уложен пол, двери переходов закрывались кое-как. Досточтимых Матрон заботило только внешнее впечатление, деталями они не интересовались. Они не ожидали от вещей и людей долговечности, да она и не была им нужна.

К Уксталю приблизились две женщины – высокие и суровые, – затянутые в сине-красные трико. Более суровая неодобрительно посмотрела на Уксталя. Его отнюдь не радовало то, что они знают, кто он.

– Тебя ожидает Верховная Матрона Геллика.

Уксталь последовал за женщинами, едва поспевая за ними и изо всех сил стараясь выказать готовность к услугам. Женщины смотрели на него, наблюдая – или, быть может, надеясь? – не совершит ли он ошибку.

Досточтимые Матроны порабощали мужчин с помощью непревзойденной сексуальной техники. Уксталь боялся, что так же они поступят и с ним – такую связь с повиндахскими женщинами он считал ужасающе грязной и отвратительной. Перед тем как отправить Уксталя на Тлейлакс, Хрон изувечил своего раба – заблудшего тлейлаксу – приняв «меры предосторожности» против женщин, но Уксталь хотел думать, что профилактическое мероприятие было все же не так ужасно, как сами Досточтимые Матроны...

Женщины сунули Уксталя на заднее сиденье наземного вездехода и тронули машину. Уксталь постарался занять себя тем, что принялся смотреть в окно, стараясь вести себя как любопытный путешественник или хаджи, совершающий паломничество в самый священный

город тлейлаксу. Новые, недавно возведенные здания отличались вульгарной пышностью, ничем не напоминая о воспетом в легендах величии Бандалонга. Строительство шло везде. Команды рабов рыли землю, подвесные краны перемещали огромные грузы; возведение зданий шло в лихорадочном темпе. Уксталь находил все это весьма тревожным.

Остовы некоторых зданий были переделаны под нужды оккупационной армии. Машина быстро проехала мимо дома, где прежде находился священный храм, но теперь дом больше походил на казарму. По прилегающей к зданию площади разгуливали вооруженные женщины. Красивая, но разбитая и обожженная статуя осталась на месте как символ могущества Досточтимых Матрон.

На мгновение Уксталь стало еще хуже. Как он отсюда выберется? Что он сделал, что заслужил такую судьбу? Он наблюдал окружающее, а в голове уже возникали целые числа – он пытался расшифровать код и найти священное математическое обоснование того, что здесь произошло. Бог всегда действует по плану, который можно разгадать, если знать уравнение. Он попытался подсчитать число увиденных им святилищ, подсчитать, сколько кварталов они проехали, сколько поворотов было на дороге, ведущей к бывшему дворцу. Но вычисления оказались слишком сложными, и Уксталь сдался.

Он внимательно присматривался ко всему, впитывал все впечатления, стараясь из всего извлечь нужную информацию – лишь бы гарантировать свое выживание. Он сделает все, чтобы только остаться в живых. Лишь это имело смысл, ибо он остался единственным уцелевшим из своей касты. Бог не допустит его гибели.

Над западным крылом дворца парил подвесной кран, спуская вниз секцию красной кровли. Уксталь содрогнулся от кричащей пестроты заново отделанного здания – розовые колонны, алая крыша, лимонно-желтые стены. Дворец сейчас был больше похож на карнавальный балаган, а не на резиденцию машейхов, величайших Мастеров.

Сопровождавшие Уксталя женщины провели его мимо змеившихся по полу проводов, у которых работали тлейлаксу низшей касты. Работая электрическими инструментами, они вешали на стены арматуру, приделывали покрытые завитушками украшения. Уксталя ввели в огромное помещение с высоким сводчатым потолком, под которым он почувствовал себя еще меньше. Вокруг он видел лишь обожженные стены и остатки цитат из Писания Великой Веры. Эти чудовищные женщины покрыли священные изречения своими святотатственными безделушками. Но даже сокрытое ложью, великое слово Бога остается всемогущим. Настанет день, когда он, Уксталь, наконец вернется и, может быть, сможет что-то сделать. Сделать, чтобы все снова встало на свои места.

С трескучим шумом из отверстия в полу поднялся пышный трон. На нем, откинувшись на спинку, сидела пожилая светловолосая женщина, похожая на некогда прекрасную, но плохо сохранившуюся королеву. Трон поднимался и поднимался до тех пор, пока царственная женщина не оказалась высоко над головой Уксталя. Это была Верховная Матрона Геллика.

В глазах ее плясали оранжевые огоньки.

– Сейчас я буду решать, жить тебе или умереть, ничтожный человек. – Голос гремел так оглушительно, что Уксталь понял: его искусственно усиливают.

Окаменев, он принялся молиться, стараясь придать себе покорный и смиренный вид. Как ему хотелось провалиться сквозь щели в полу, оказаться где-нибудь в подземелье. Но вдруг он сможет схватиться с этими женщинами и даже – кто знает – одолеть их...

– У тебя есть голосовые связки, ничтожный человек? Или их удалили? Я разрешаю тебе говорить до тех пор, пока ты будешь говорить что-нибудь разумное.

Уксталь собрал все свое мужество, попытавшись стать храбрецом, каким хотел видеть его старейшина Бурах.

– Я... – я не очень хорошо знаю, зачем я здесь, но понимаю, что это связано с генетическими исследованиями. – Он лихорадочно искал выход из тяжелого положения, в котором ока-

зался. – Мой опыт в этой области непревзойден. Если вам нужно, чтобы кто-то сделал работу Мастера-тлейлаксу, то вы не найдете для этого более подходящего человека, чем я.

– У нас вообще нет выбора. – В голосе Геллики прозвучало отвращение. – Но твое самонимение несколько уменьшится после того, как я порабошщу тебя сексуально.

Стараясь не дрогнуть, Уксталь ответил:

– Я должен целиком посвятить себя работе, Верховная Матрона, и не отвлекаться навязчивыми сексуальными мыслями.

Она получала явное удовольствие, видя его страдания, но Верховная Матрона просто забавлялась. Она улыбнулась, раскрыв свой красный, как звериная пасть, рот – словно кто-то провел лезвием по ее лицу.

– Лицеделы чего-то от тебя хотят, как, впрочем, и мы, Досточтимые Матроны. Так как все Мастера-тлейлаксу мертвы, твои уникальные знания – по умолчанию – придают тебе определенную важность. Возможно, я не стану давить на тебя... пока.

Она стремительно подалась вперед, и сопровождавшие Уксталя женщины отступили, опасаясь оказаться в зоне досягаемости Верховной Матроны Геллики.

– Мне сказали, что ты умеешь работать с аксолотлевыми чанами. Мастера знали, как использовать эти чаны для выращивания меланжа. Это невероятное богатство! Ты сможешь сделать это для нас?

Уксталь почувствовал, как леденеют его ноги. Он не смог справиться с дрожью.

– Нет, Верховная Матрона. Эта технология была разработана много лет спустя после Рассеяния, в то время мой народ уже покинул Старую Империю. Мастера не поделились своим изобретением с заблудшими братьями. – Сердце его отчаянно билось. Она была очевидно недовольна, смертоносно недовольна, и Уксталь поспешил договорить: – Тем не менее я знаю, как выращивать гхола.

– Но достаточно ли ценно такое знание для того, чтобы сохранить тебе жизнь? – Она подавила вздох разочарования. – Кажется, лицеделы считают, что достаточно.

– А чего хотят лицеделы, Верховная Матрона?

В ее глазах вспыхнул убийственный рыжий огонь, и Уксталь понял, что совершил ошибку, выпалив свой неуместный вопрос.

– Я еще не сказала тебе, чего хотят Досточтимые Матроны, ничтожный человек. Хотя мы не так слабы и не так зависимы от специи, как ведьмы Бинэ Гессерит, мы все же понимаем ее ценность. Ты очень обяжешь меня, если заново отыщешь способ выращивания специи. Я дам тебе сколько угодно женщин, из которых ты сможешь сделать безмозглые чрева. – В голосе ее прозвучала бесчеловечная жестокость. – Мы, правда, пользуемся альтернативной субстанцией, оранжевым соединением, похожим на адреналин, мы получаем его благодаря боли. Мы покажем тебе, как делают это вещество. Это будет первая служба, которую ты нам сослужишь. Тебе будут доступны все восстановленные лаборатории. Если необходимо, мы добавим к ним новые модули.

Геллика стала выглядеть еще более устрашающей, когда поднялась с трона во весь рост.

– Теперь что касается пожеланий лицеделов: когда мы завоевали эту планету и ликвидировали всех этих презренных мастеров, то одного из них мы вскрыли, и во время исследования обнаружили в его теле поврежденную нуль-энтропийную капсулу. В ней были пробы клеток, по большей части погибших. Но часть ДНК сохранила жизнеспособность. Хрон очень хочет узнать, в чем заключается важность этих клеток и почему мастера так бережно их хранили.

У Уксталя закружилась голова.

– Он хочет, чтобы я вырастил гхола из этих клеток? – Он едва сумел скрыть чувство облегчения. Это он действительно мог!

– Я позволю тебе сделать и это, если ты найдешь способ производить оранжевый заменитель специй. Мы будем еще больше довольны, если тебе удастся вырастить в чане меланж. – Геллика прищурила глаза. – С этого дня единственной целью твоей жизни будет ублажать меня.

Испытывая невероятное облегчение оттого, что он живым вышел с аудиенции у капризной Верховной Матроны, Уксталь последовал за сопровождавшими женщинами в исследовательский центр. Бандалонг являл собой зрелище хаоса и разрушения, и Уксталь не стал даже гадать, в каком состоянии окажется отведенное ему здание. По дороге они обогнали состоявшийся из одетых в пурпурную униформу женщин конвой, сопровождавший колонну грузовиков и техники для сноса зданий.

Они прибыли на место и увидели, что дверь конфискованной лаборатории заперта на замок. Пока суровые женщины, едва не потерявшие от ярости рассудок столкнувшись с преградой, старались справиться с возникшей проблемой, Уксталь, семена на дрожащих ногах, решил убраться на безопасное расстояние от страшных женщин, барабанивших в дверь и громко требовавших впустить их внутрь. У Уксталя не было ни малейшей надежды бежать, даже если бы удалось найти оружие и напасть на женщин, а потом добежать до космопорта Бандалонга. Уксталь поежился, придумывая объяснения на случай, если сопровождающие поинтересуются его странным поведением.

Обожженная земля вокруг лаборатории уже успела порости свежей травой и мелким кустарником. Сквозь щель в заборе Уксталь увидел фермера, тлейлаксу низшей касты. По соседству располагалось его хозяйство, где он выращивал огромных слиней, каждая из которых была размером больше человека. Безобразные создания бродили по двору, роясь в грязи и жадно поедая всяческий мусор и остатки сгоревших строений. Несмотря на омерзительную наружность этих животных, их мясо считалось деликатесом. Но сейчас один запах их экскрементов отбил у Уксталя всякий аппетит.

В последнее время его столько раз унижали, что теперь он испытывал истинное удовольствие, видя человека ниже себя рангом. Он официальным тоном крикнул:

– Эй ты, назови себя!

Уксталь сомневался, что от этого насквозь провонявшего слиньями простолюдина можно получить какие-то полезные сведения, но старейшина Бурах учил, что любая информация может оказаться полезной, особенно в новых и незнакомых условиях.

– Меня зовут Гаксхар. Никогда мне не приходилось слышать такого выговора, как у вас. – Крестьянин проковылял к забору и внимательно взгляделся в форму Уксталя, изобличавшую в ее владельце человека высшей касты. Мундир, благодарение Богу, был чище, чем одежда пастуха слиней. – Я-то думал, что всех Мастеров убили.

– Я не Мастер, во всяком случае официально. – Изо всех сил стараясь подчеркнуть свое высокое положение, Уксталь строго добавил: – Но по рангу я все равно выше тебя. Отведи своих слиней подальше от моего владения. Я не могу допустить заражения моей важной лаборатории. Твои слиньи плодят мух и разносят болезни.

– Я каждый день купаю их, но, так уж и быть, отведу подальше от забора. – В загоне огромные, похожие на обрубки животные, пронзительно визжа, толкались и терлись друг об друга.

Не зная, что сказать еще, Уксталь выдал слабое и ненужное предостережение:

– Берегись Досточтимых Матрон. Я в безопасности, потому что обладаю нужными им знаниями, но на тебя, простого крестьянина, они могут обозлиться и порвать в клочья.

Глаксхар фыркнул, издав нечто среднее между смехом и кашлем.

– Старые хозяева были ко мне не добрее Досточтимых Матрон. Один жестокий хозяин сменился другим – вот и все.

К слинарнику подъехал грузовик, из кузова вывалили на землю груз сырого вонючего мусора. Голодные твари начали свое отвратительное пиршество, а крестьянин, скрестив руки на тощей груди, произнес:

– Досточтимые Матроны присылают куски тел людей высшей касты на корм слиньям. Они думают, что мясо моих господ делает слаще мясо моих животных. – Пробежавшее по лицу выражение насмешки тотчас спряталось за бесстрастной маской. – Возможно, мы с вами скоро увидимся.

Что он хотел этим сказать? Что Уксталя тоже привезут сюда, когда шлюхи получают то, что им надо? Или это была безобидная болтовня? Уксталь нахмурился, отвел взгляд от слиней, ползавших по остаткам человеческих тел и пережевывавших их своими острыми бесчисленными зубами.

В это время к забору подошли две Досточтимые Матроны, доставившие сюда Уксталя.

– Можешь войти в свою лабораторию. Мы сломали дверь.

Выхода нет. Нам приходится платить за насилия наших предков.

Собрание изречений Муад'Дибя, составлено принцессой Ирулан

– Риния умерла месяц назад. Мне страшно не хватает ее.

Идя рядом с Джейнис к домикам послушниц, Мурбелла видела, какого труда стоит дочери скрывать душевную муку.

Командующая Мать, невзирая на то, что и сама невыносимо терзалась, сохраняла на лице отчужденное, бесстрастное выражение.

– Не заставь меня потерять еще одну дочь, еще одну потенциальную Преподобную Мать. Когда настанет срок, ты должна быть уверена, что готова к Агонии. Не позволяй себе поддаться гордыне.

Джейнис стоически кивнула. Она не сказала ни одного худого слова о сестре, но и она сама, и Мурбелла прекрасно сознавали, что Риния была далеко не так сильно уверена в себе, как пыталась убедить себя и окружающих. Она прикрыла сомнения завесой фальшивой бравады. И это убило ее.

Сестрам Бинэ Гессерит надо прятать эмоции, прогонять прочь отвлекающую от цели любовь. Когда-то Мурбелла и сама попала в эту ловушку, запутавшись и ослабнув в любви к Дункану Айдахо. Она так и не смогла полностью освободиться от чувства, и одна только мысль о том, что он сейчас летит где-то в бескрайней пустоте, причиняла ей нестерпимую боль.

Несмотря на провозглашенную позицию, сестры Ордена давно знали, что от любви невозможно избавиться окончательно. Подобно древним священникам и монахиням, служившим давно забытой древней религии, женщины Бинэ Гессерит должны были совершенно отказаться от любви ради более высокой цели. Но в конечном счете никогда и никому не удавалось отбросить все чувства, чтобы защититься от неизбежной слабости. Невозможно спасти человека, заставляя его отказаться от человечности.

Сохранив тесные отношения с дочерьми-двойняшками и, более того, раскрыв им имена родителей, Мурбелла нарушила традицию Ордена. Дочерям, принятым в школы Бинэ Гессерит, говорили, что достичь могущества они смогут, только отрешившись от семейных уз. Мурбелла отказалась от отношений с двумя своими младшими дочерьми – Танидией и Джанной. Но, потеряв Ринию, она не желала порывать с Джейнис.

После тренировки, в которой оттачивалась объединенная боевая техника Бинэ Гессерит и Досточтимых Матрон, мать и дочь направились в западный сад Убежища, где жила Джейнис и другие послушницы. На девушке до сих пор был пропитанный потом тренировочный костюм.

Командующая Мать говорила ровным бесстрастным голосом, хотя и у нее болела душа:

– Мы должны продолжать жить. У нас осталось еще очень много врагов. Риния не пожелала бы нам поражения.

Джейнис выпрямилась.

– Да, не пожелала бы. Она верила твоим словам о Враге, и я тоже верю.

Некоторые сестры ставили под сомнение настойчивость Командующей Матери. Досточтимые Матроны бросились назад, в Старую Империю, убежденные в том, что рушатся небеса, но до того, как Мурбелла вскрыла всю подноготную Бинэ Гессерит, мало кто из женщин требовал доказательств самого существования ужасных врагов. Ни одной Досточтимой Матроне не удавалось добраться до сокровенных глубин Другой Памяти; даже Мурбелла не могла припомнить своего происхождения в Рассеянии. Она не могла сказать, как они впервые встретились с Врагом или что послужило причиной зверской жестокости Досточтимых Матрон.

Но Мурбелла не могла поверить в такую слепоту. Не придумали ли Досточтимые Матроны сотни планет, пораженных чумой? Не вообразили ли они страшное оружие, каким был уничтожен Ракис и множество других планет?

– Нам не нужны новые доказательства того, что Враг существует, – коротко и сухо сказала Мурбелла дочери, когда они шли вдоль живой изгороди колючего кустарника. – Теперь враги охотятся на нас, на всех нас. Сомневаюсь, что Враг будет делать различие между разными фракциями Нового Ордена сестер. В перекрестии их прицела вся планета Капитул.

– Пусть они сначала попробуют нас найти, – сказала Джейнис.

– О, они найдут нас, будь спокойна. И они нас уничтожат, если мы не приготовимся к отражению их натиска. – Она взглядела в лицо девушки, ища в нем твердость и мужество. – Вот почему нам сейчас нужно как можно больше Преподобных Матерей.

Джейнис окунулась в обучение с такой страстью и решимостью, которой могла бы позавидовать одержимая Риния. Сражаясь руками и ногами, извиваясь, увертываясь и отступая, девушка могла поразить теперь практически любую соперницу, превосходя ее силой и быстротой.

Немного раньше Джейнис встретила в поединке с высокой жилистой девушкой по имени Кари Дебрак. Она была из Досточтимых Матрон, недавно прибывших на Капитул. Затаившая злобу против дочери Командующей Матери, Кари воспользовалась учебным поединком для того, чтобы выплеснуть гнев на соперницу. Она хотела *причинить боль*. Джейнис же хотела отработать приемы в честной борьбе, но юная Досточтимая Матрона прибегла к грубому насилию и едва не сломала Джейнис кости. Баши Викки Азтин, наблюдавшая за учебными поединками, была вынуждена развести соперниц.

Этот инцидент сильно встревожил Мурбеллу.

– Ты проиграла Кари, потому что Досточтимые Матроны не сдерживают себя. Ты должна научиться этому противостоять, если хочешь утвердиться здесь.

В последние несколько месяцев Мурбелла стала замечать, что в Ордене усиливается брожение, особенно среди молодых послушниц. Несмотря на то что теперь они все считались членами одной объединенной общины, женщины упорно придерживались прежнего деления, разбивались на клики, соответственно происхождению от сестер Бинэ Гессерит или Досточтимых Матрон. Некоторые из самых упорных, испытывая отвращение к примирению и не желая учиться компромиссу, бежали в поселения на дальнем севере. Это бегство продолжалось, несмотря на показательную казнь Аннин.

Когда они приблизились к общежитиям послушниц, Мурбелла услышала злобные крики из-за колючей коричневой изгороди. Свернув с дорожки, мать и дочь вышли на общую пло-

щадку – поляну, поросшую травой и изрезанную посыпанными гравием тропинками перед домиками. Обычно послушницы собирались здесь для игр, пикников и спортивных состязаний. Недавно пролетевшая буря оставила на скамьях слой серой пыли.

Но сегодня на поляне творилось нечто невообразимое. Площадка превратилась в поле битвы. Более пятидесяти девушек – все в белой одежде послушниц – разделились на две группы, на сестер Бинэ Гессерит и Досточтимых Матрон, и бились друг с другом с яростью диких зверей.

Среди дерущихся Мурбелла тотчас узнала Кари Дебрак. Она сбила соперницу с ног жестоким ударом в лицо и кинулась на поверженного противника словно хищник. Упавшая девушка неистово извивалась, пытаясь вырваться, но Кари схватила ее за волосы, надавила коленом на спину между лопаток и дернула голову вверх с силой, какой хватило бы на то, чтобы вырвать с корнем дерево. Треск шейных позвонков перекрыл даже шум драки.

Ощерившись в страшной усмешке, Кари оставила труп на земле и бросилась искать следующую соперницу. Послушницы с оранжевыми повязками Досточтимых Матрон на рукавах атаковали сестер Бинэ Гессерит очертя голову, били, пинали, царапали и даже кусали, вырывая зубами клочья плоти. Дюжина молодых женщин уже лежали на сухой траве словно кучи окровавленного тряпья. Крики гнева, боли и ненависти вырывались из глоток обезумевших послушниц. Это была не игра и не тренировка.

Пораженная происходящим, Мурбелла закричала:

– Прекратите! Остановитесь немедленно!

Но послушницы, в крови которых плескался адреналин, продолжали рвать друг друга. Одна девушка, бывшая Досточтимая Матрона, шатаясь, шла вперед, сжимая и разжимая кулаки – словно выпускала когти – при каждом шуме. Кровавые глазницы ее были пусты, как две грязно-красные ямы.

Мурбелла увидела, как две девушки из Бинэ Гессерит свалили на землю извивающуюся Досточтимую Матрону и сорвали оранжевую повязку с рукава. Сестры убили свою жертву ударом в грудь, проломив ребра.

Кари обрушилась на эту парочку. Расставив ноги, она в прыжке ступнями ударила одновременно обеих. Они откатились в стороны. Одной девушке удар пришелся в горло, Кари сломала ей гортань, но другая, нырнув, ушла от удара. В то время как ее подруга, захлебываясь кровью, рухнула на траву, вторая сестра вскочила на ноги и схватила с земли тяжелый камень.

Охранники, прокторы и Преподобные Матери уже бежали со стороны главного здания Убежища. Баши Азтин вела своих людей. Мурбелла заметила, что все они были вооружены парализующими ружьями. Командующая Мать, применив Голос, громко обратилась к дерущимся, но возбуждение послушниц было так велико, что большинство просто не услышало Мурбеллу.

Бок о бок Джейнис и Мурбелла ринулись в гущу дерущихся, раздавая направо и налево сильные удары, не разбирая, носит ли жертва оранжевую повязку или нет. Мурбелла видела, как искусно ее дочь владеет своим телом.

Мурбелла вобрала голову в плечи и ударила ликующую Кари Дебрак, свалив ее на землю. Мурбелла могла легко убить ее, но ограничилась несильным ударом, чтобы вышибить из драчуны боевой задор.

Задышавшись, Кари откатилась подальше и пылающим взглядом уставилась на Мурбеллу и Джейнис.

– Ты мало получила сегодня, Джейнис? Хочешь еще? – Она вскочила на ноги.

Джейнис с видимым усилием сдерживалась. Она легко уклонилась от удара, но не стала отвечать.

– Требуется больше искусства для того, чтобы избежать столкновения, чем для того, чтобы начать драку. Это аксиома Бинэ Гессерит.

Кари презрительно плюнула.

– Какое мне дело до аксиом каких-то ведьм? У тебя вообще есть собственные мысли? Или твоя голова набита мыслями твоей матери и цитатами из старых книг?

Не успев договорить, Кари бросилась в яростную атаку. Предвидя это, Джейнис отскочила влево, и, обойдя соперницу, ударила ее кулаком в висок. Молодая Досточтимая Матрона рухнула на траву, а Джейнис нанесла ногой парализующий удар в лоб, отчего соперница затихла, лежа на спине.

Подоспевшие женщины смогли усмирить дерущихся, растащив их в стороны. Вся площадка была залита кровью после свирепой схватки. Огнем парализующих ружей удалось остановить самых рьяных, которые теперь валялись на земле оглушенные, но по крайней мере живые.

Тяжело дыша, Мурбелла с отвращением и гневом осматривала кровавую поляну. Обращаясь к Досточтимым Матронам, она крикнула:

– Все случилось из-за ваших оранжевых повязок! К чему вы похваляетесь своим отличием, вместо того чтобы присоединиться к нам?

Скосив взгляд, Мурбелла увидела, что дочь, приняв боевую стойку, находится рядом, готовая защитить мать. Может быть, девочка еще не готова к Агонии, но она готова к таким схваткам.

Уцелевшие послушницы начали расходиться по своим домикам. Джейнис закричала им вслед, через поляну, усеянную мертвыми телами, произнеся вслух то, о чем думала Мурбелла:

– Посмотрите на этих напрасно погибших! Если мы будем и дальше бить друг друга, то Врагу не придется нас убивать, он возьмет нас голыми руками.

Составленный и принятый план начинает жить своей собственной жизнью. Одна только разработка и построение схемы ставят на нем печать неизбежности.

Баши Майлс Тег. Итоговый отчет после победы на Церболе

Вступая в спор, Гарими часто не уступала упрямству большинству твердолобых старых сестер Бинэ Гессерит. Шиана позволила этой рассудительной сестре выступить на общем собрании против предложенного проекта гхола, надеясь, что та выпустит накопившийся пар, не дойдя до выводов и заключения. К несчастью, многие из присутствовавших в зале сестер одобрительно кивали, слушая возражения Гарими.

«Так мы порождаем новые и новые фракции», – мысленно вздохнув, подумала Шиана.

В самой большой каюте корабля-невидимки собрались больше сотни сестер, чтобы продолжить казавшиеся бесконечными дебаты относительно целесообразности выращивания гхола из клеток, предоставленных Скиталем. Никто не желал идти на компромисс. Так как они бежали с Капитула только ради того, чтобы сохранить чистоту Бинэ Гессерит, Шиана настаивала на открытом обсуждении, но спор продолжался уже больше месяца. При таком обилии разногласий Шиана не желала форсировать голосование. Пока не время. «Настанет день, когда общее дело объединит нас...»

– Ты предлагаешь эту неверную схему, как будто у нас нет иного выбора. Даже самая необразованная послушница знает, что всегда есть несколько возможностей, – говорила Гарими с первого ряда.

Внезапно прозвучали слова Дункана Айдахо, хотя никто не предлагал ему выступить:

– Я не хочу сказать, что у нас нет выбора. Я просто хочу сказать, что это наш *лучший* выбор. – Дункан и Тег сидели рядом с Шианой. Кто лучше этих двоих знал опасности, трудности и преимущества, связанные с гхола? Кто мог понять этих исторических личностей лучше, чем Дункан?

Дункан между тем продолжал:

– Мастер-тлейлаксу предлагает укрепить нашу силу ключевыми фигурами прошлого, возможностью использовать арсенал опыта этих специалистов и вождей. Мы мало знаем о Враге, с которым нам предстоит встретиться, и было бы непростительной глупостью отворачиваться от возможности, которая сама идет в руки.

– Возможности? Эти исторические личности – настоящий пантеон позора Бинэ Гессерит, свидетельство его неудач, – сказала Гарими. – Взять хотя бы леди Джессику, Пол-Муад'Дибя – я уже не говорю о Лето II Тиране.

Гарими еще не успела закончить свою пронзительную тираду, когда ее подруга Шука твердо добавила:

– Вы забыли, чему вас учили в Ордене Бинэ Гессерит, Дункан Айдахо? Ваши доводы нелогичны. Все гхола, о которых мы ведем речь, – не более, чем реликты прошлого, плоды легенд и вымыслов. Какую положительную роль они смогут играть в кризисе, который разразился сейчас?

– Да, они не знакомы с современным положением вещей, но они очень важны в перспективе, – заговорил Тег. – Живой истории, закодированной в этих клетках, хватит на то, чтобы основать новые религии и научные школы. Несомненно, среди всех этих героев и гениев мы найдем знания, полезные в любой ситуации, в какой мы можем оказаться. Сам факт, что тлейлаксу с таким тщанием собирали эти клетки, уже говорит о том, насколько важными они могут быть.

Преподобная Мать Калисса высказала ценное опасение, не выдав при этом, как она собирается голосовать.

– Меня тревожит, что тлейлаксу, возможно, изменили генетический код в сохраненных клетках – так же как они изменили наследственность Дункана. Скитале рассчитывает на наше благоговейное отношение к этим историческим личностям, но мы не знаем наверняка, что он задумал на самом деле. Зачем тлейлаксу нужны эти гхола?

Дункан обвел взглядом сидевших в зале женщин.

– Мастер-тлейлаксу попал в трудное положение, поэтому он заинтересован в том, чтобы все гхола оказались совершенными. В противном случае он потеряет шанс получить от нас то, что как воздух необходимо ему самому. Я не доверяю ему, но я верю в его отчаяние. Скитале пойдет на все ради того, чтобы получить то, что ему надо. Он умирает, и ему нужен собственный гхола, и мы должны использовать его желание для нашей выгоды. В том положении, в каком мы оказались, а оно довольно сложное, мы не смеем позволить страху направлять нашу политику.

– Какую политику? – Гарими презрительно фыркнула, оглядев зал. – Мы блуждаем в космосе, летим неизвестно куда, спасаясь от опасности, которую может видеть один только Дункан Айдахо. Для большинства из нас реальная опасность – это шлюхи, явившиеся из Рассеяния. Они завладели Орденом сестер, и мы отправились в добровольное изгнание, чтобы спасти Бинэ Гессерит. Нам надо найти место, где мы сможем основать Новый Капитул, Новый сильный Орден. Именно поэтому мы начали рожать детей – для того, чтобы – соблюдая известную осмотрительность – увеличить нашу численность.

– Тем самым истощая и без того ограниченные запасы «Итаки», – едко заметила Шиана. Гарими и ее сторонницы громко зашумели.

– На этом корабле-невидимке запасов хватит на то, чтобы здесь сто лет прожило в десять раз больше людей. Для того, чтобы сохранить Орден сестер, нам необходимо увеличить нашу численность и расширить генофонд, чтобы подготовиться к колонизации планеты.

Шиана лукаво улыбнулась.

– Но это еще один повод для выращивания гхола.

Гарими с отвращением округлила глаза. За ее спиной заговорила Шука:

– Гхола – это нечеловеческая мерзость.

Шиана знала, что наступит момент, когда кто-то произнесет эти слова.

– Очень странно, что наши консервативные женщины могут быть такими суеверными. Как неграмотные крестьянки! Я так и не услышала от вас ни одного серьезного аргумента.

Гарими оглянулась, словно ища поддержки у своих не менее суровых сторонниц.

– Серьезных аргументов? Я сопротивляюсь принятию этого плана, потому что он, очевидно, опасен. Это люди, о которых мы знаем только из истории. Мы знаем их и знаем, на что они способны. Имеем ли мы право выпускать во вселенную Нового Квизац Хадерача? Однажды мы уже допустили эту ошибку, и нам следует извлечь из нее урок.

Когда Дункан говорил, он мог пользоваться только силой убеждения, так как не обладал способностью к Голосу Бинэ Гессерит и тонким манипуляциям.

– Пол Атрейдес был добрым человеком, но Орден сестер и другие силы заставили его выбрать опасное направление. Его опороченный сын был добр и храбр до тех пор, пока не позволил червям пустыни взять над собой верх. Я был лично знаком с Сафиром Хаватом, Гарни Холликом, Стилгаром, герцогом Лето и даже Лето II. На этот раз мы можем оградить их от ошибок прошлого и в полной мере реализовать их потенциал. Может быть, к нашей пользе?

Пока женщины наперебой что-то кричали, Гарими возвысила голос, заглушив остальных:

– Пользуясь Другой Памятью, мы знаем, что делали Атрейдесы, не хуже, чем ты, Дункан Айдахо. О, нам известны жестокости, совершавшиеся именем Муад'Диб, миллиарды жертв джихада! Империя Коррино, просуществовавшая тысячи лет, пала, но им было мало даже страшного краха Муад'Диб. Явился его сын, Тиран, и наступили тысячелетия всепоглощающего террора! Мы что, так ничему и не научились?

Возвысив голос, Шиана призвала сестер к тишине:

– Естественно, мы многому научились и извлекли должные уроки. Думаю, что мы в конце концов научились мудрой осмотрительности. Но теперь мне кажется, что история научила нас лишь неразумному страху. Неужели вы откажетесь от нашей величайшей выгоды только из-за того, что кто-то может случайно от этого пострадать? У нас есть враги, которые будут убивать нас вполне осознанно, с твердым намерением. Во всем есть риск, но гениальность, хранящаяся в предложенных нам клетках, по крайней мере дает нам шанс.

Шиана постаралась прикинуть, скольких пассажиров корабля Гарими сумела склонить на свою сторону. Сортируя и выявляя потенциальных сторонников Гарими, Шиана пришла к удивительному выводу: все они были традиционалистами, ультраконсерваторами, консерваторами из консерваторов. Сейчас они в меньшинстве, но со временем положение может измениться, и измениться в худшую сторону. Эти дебаты надо прекращать, пока не произошло непоправимое.

Даже если проект гхола начнет выполняться всерьез, каждого ребенка надо выносить положенный срок, а затем его придется воспитывать и учить, следя за *возможностью* пробуждения внутренней памяти. Этот процесс продолжится годы и годы. Но за будущее десятилетие или за более долгий срок сколько раз их корабль-невидимка столкнется с кризисной ситуацией? Что, если таинственный Враг атакует их уже завтра? Что, если они попадут в сияющую сеть, которая, как говорит Дункан, всюду преследует их?

Долгосрочное планирование всегда было самой сильной стороной Ордена сестер.

Шиана наконец приняла решение и сжала в тонкую нить свои чувственные губы. Она встала. Эту битву она не имеет права проиграть, но дебаты исчерпали себя, хочет признать это Гарими или нет.

– Довольно этих пустых словопрений. Я требую немедленного голосования. *Сейчас.* Она сделала едва заметное движение.

Даже наш неуловимый корабль не сможет защитить нас от всеведущего предзнания навигаторов Гильдии, прозревающих космос. Только дикие гены Атрейдесов могут полностью прикрыть нас от взора навигаторов.

Ментат Беллонда. Из выступления на собрании послушниц

Оглушенный словесной перепалкой сестер Бинэ Гессерит, Дункан Айдахо отправился в тренировочный зал, чтобы проделать одиночные упражнения. Надо было привести в порядок свои мысли, а для этого он не мог найти лучшего места – здесь он провел много незабываемых часов с Мурбеллой.

Стараясь полностью овладеть своим телом и мыслями, Дункан сосредоточился, теперь ему стали ясно видны многие прошлые неудачи. Напоминаний было больше, чем достаточно. Пользуясь способностями ментата, он отчетливо вспомнил случаи, когда буквально за полдюйма от победы он не смог сделать необходимых движений прана-бинду; конечно, лишь немногие сторонние наблюдатели смогли бы заметить эти промахи, но сам Дункан видел их очень ясно. Тяжесть новых гхола невыносимо давила на плечи, и Дункан чувствовал, что это выводит его из равновесия.

Для начала он совершил необходимый ритуал. Держа в руке короткий меч, он постарался прийти в состояние релаксации, в стадию готовности к прана-бинду, в состояние совершенной безмятежности, находясь в котором он мог защищаться и наносить удары с молниеносной скоростью. Но на этот раз мышцы упрямо отказывались повиноваться командам нервов.

«Поединок – вопрос жизни и смерти... а не настроения», – учил его когда-то Гарни Холлик.

Сделав два глубоких вдоха, Дункан закрыл глаза и впал в мнемонический транс, принявшись приводить в порядок данные, необходимые для решения проблемы. Мысленным взором он разглядел длинную царапину на стене, эта царапина прежде ускользала от его внимания. Странно, что никто не удосужился отремонтировать стену за столько лет... но еще более странно, что он столько лет не замечал этого.

Почти полтора десятка лет назад Мурбелла поскользнулась во время поединка на ножах и упала. Это падение едва не стоило ей жизни. В тот момент она делала медленное круговое движение оружием и во время падения нож едва не пронзил ей сердце – Дункан мгновенно увидел все возможные исходы. Он увидел все множество причин, от которых она могла погибнуть... и очень мало возможностей уцелеть. Когда она падала, Дункан ударом ноги выбил из ее руки оружие. Нож отлетел в сторону, ударился о стену и оставил на ней глубокую царапину.

Царапину, не замеченную и до сих пор...

Всего несколько мгновений спустя после этого падения они с Мурбеллой занялись любовью прямо на полу зала. Это было одно из самых запоминающихся соитий – его усиленная тренировкой Бинэ Гессерит мужская сила столкнулась с техникой сексуального порабощения Досточтимых Матрон. Неутомимый жеребец против янтарноволосой искустельницы.

Вспоминает ли она о нем сейчас, через четыре года разлуки?

В своей каюте и в других помещениях корабля-невидимки Дункан постоянно искал напоминания о своей утраченной любви. Перед бегством он вместе с Шианой был поглощен приготовлениями – тайной погрузкой на судно добровольцев-пилигримов, оборудования, припасов и семи песчаных червей. Эта работа настолько поглотила его, что он на время забыл о Мурбелле.

Но не успел корабль-невидимка оторваться от земли и успешно взлететь, разорвав связывавшие Дункана и Мурбеллу узы, у него сразу появилась масса свободного времени, и он то и дело стал натекать на не замеченные ранее «эмоциональные мины». Он обнаружил на судне несколько подарков Мурбеллы, ее тренировочный костюм, предметы туалета. Несмотря на то что он был ментатом и соответственно просто неспособен забывать детали, эти находки, просто напомнившие о ее былом присутствии, больно поразили его, как бомбы замедленного действия, заложенные в глубинах памяти. Эти бомбы были помощнее тех мин, которые когда-то были заложены вокруг корабля-невидимки на Капитуле.

Чтобы сохранить рассудок, Дункан в конце концов собрал все без исключения вещи Мурбеллы – от помятой тренировочной одежды, пропитанной ее потом, и выброшенных полотенец до любимой пишушей палочки. Все эти вещи он выбросил в один из малых ящиков для отходов. Поле с нулевой энтропией навсегда сохранит эти вещи, а замок контейнера не даст извлечь их оттуда. Там они и останутся на много-много лет.

Не надо снова и снова смотреть на эти вещи, не надо снова и снова думать о Мурбелле. Он потерял ее навсегда, но никогда не сможет забыть.

Возможно, Мурбелла исчезла навеки, но пробирка с нулевой энтропией, пробирка мастера Скитале, сможет вернуть Дункану старых друзей – Пола, Гарни, Сафира и даже герцога Лето.

Он вытерся полотенцем, ощутив прилив надежды.

Четыре года спустя после бегства с Капитула

Отпрыгнуть в тень, если тебе угрожает реальная опасность, – не трусость и не паранойя.

Командующая Мать Мурбелла. Запись в личном дневнике

Большой неопознанный военный корабль появился в мертвом пространстве вдали от системы Капитула. Судно зависло, предусмотрительно сканируя космос, прежде чем приблизиться. Своими сенсорами дальнего радиуса действия прибывший на Капитул корабль Гильдии обнаружил этот странный корабль, находившийся там, где никого не должно быть.

Постоянно озабоченная возможным появлением Врага, не зная, с какой стороны и когда последует первая атака, Командующая Мать отправила навстречу неизвестному судну скоростной разведывательный корабль с двумя сестрами на борту. Женщины приблизились к неизвестному кораблю, не скрываясь и демонстративно не проявляя враждебных намерений.

Чужой корабль открыл огонь и уничтожил разведчика, как только тот вошел в зону досягаемости орудий. Последнее сообщение пилота гласило: «Это военный корабль неизвестного типа. Выглядит весьма потрепанным, ему, вероятно, пришлось побывать во многих переделках, он сильно поврежден...» Дальше сообщение прервалось треском статического электричества...

Пришедшая в мрачное расположение духа Мурбелла собрала своих военачальников для организации быстрого и массированного отпора. Никто не знал ни типа, ни вооружения неизвестного судна, было неясно: это корабль давно ожидаемого Врага или кто-то еще. Но тем не менее это была настоящая, реальная угроза.

Многие бывшие Досточтимые Матроны, включая Дорию, горели желанием подраться в течение всех четырех лет, прошедших после битвы за Джанкшн. Страсть к насилию кипела и переливалась через край, матроны чувствовали, что их воинские способности застаиваются, но теперь наступал момент, когда Мурбелла будет вынуждена дать им волю.

Уже через несколько часов с Капитула стартовали двадцать штурмовых кораблей – часть флота, созданного на Капитуле еще баши Майлсом Тегом, – и на большой скорости покинули солнечную систему. Флотилию повела лично Мурбелла, несмотря на то что осторожные советницы из Бинэ Гессерит отговаривали ее от участия в экспедиции, чтобы не подвергаться опасности. Но она – Командующая Мать и должна сама вести свои войска в бой. Так она была воспитана.

Когда отряд кораблей Нового Ордена сестер подошел ближе к неизвестному судну, Мурбелла принялась изучать его изображение на своем командирском мониторе. На бортах судна виднелись зазубрины и вмятины, яркое свечение исходило от мест утечек топлива из двигателя. Воздух вытекал из корабля сквозь видимые на экране пробоины.

– Они пережили катастрофу, – передала баши Викки Азтин с борта своего корабля.

– Но они смертельно опасны, – заметила адъютант. – Они еще могут стрелять.

«Опасны, как раненый хищник», – подумала Мурбелла. Это был большой корабль, размерами превышавший боевые суда Мурбеллы. Изучив изображение, она узнала знакомую конструкцию корабля и разглядела боевой символ на искореженном тепловым лучом корпусе.

– Это корабль Досточтимых Матрон, но они не из ассимилированной группы.

– Может быть, они из какого-то мятежного анклава?

– Нет... они откуда-то издалека, может быть, даже из-за пределов Рассеяния, – ответила Мурбелла.

В течение нескольких десятилетий словно саранча Досточтимые Матроны буквально смели Старую Империю, но в отдаленных мирах их число было неизмеримо больше. Досто-

чтимые Матроны жили изолированными друг от друга группами не только из соображений безопасности, но и вследствие их естественной ксенофобии.

Очевидно, это судно оказалось здесь совершенно случайно. Судя по внешнему виду, оно было повреждено слишком сильно для того, чтобы куда-то целенаправленно двигаться. Шли ли они именно к Капитулу? Или они просто искали любую пригодную для обитания планету?

– Оставаться вне зоны досягаемости огня, – приказала Мурбелла своим командирам, потом настроила систему связи: – Досточтимые Матроны! Я – Мурбелла, законная Великая Досточтимая Матрона, убившая свою предшественницу. Мы не враги вам, но мы не можем распознать тип вашего судна и его опознавательные знаки. Вы напрасно уничтожили наш разведывательный корабль. Попытка открыть огонь будет для вас гибельной.

В ответ – молчание и треск статического электричества.

– Мы высадимся у вас на борту. Это мой приказ как Великой Досточтимой Матроны. – Она приказала двигаться вперед, не дожидаясь ответа.

Наконец на экране появилась сухошавая суровая женщина с колючим, как битое стекло, взглядом.

– Очень хорошо, Досточтимая Матрона. Мы не будем стрелять – пока.

– *Великая* Досточтимая Матрона, – поправила ее Мурбелла.

– Это мы еще посмотрим.

Осторожно продвигаясь вперед с готовым к бою оружием, двадцать боевых кораблей Нового Ордена сестер, подойдя на близкое расстояние, окружили покореженный остов большого судна. По личному каналу Дория передала:

– Мы могли бы легко влететь внутрь через дыру в обшивке.

– Все же я бы не хотела, чтобы они считали нас нападающей стороной, – возразила Мурбелла и, перейдя на открытый текст, передала командиру неопознанного корабля: – Функционируют ли ваши доковые шлюзы? Насколько тяжелы повреждения?

– Один шлюз исправен. – Капитан корабля продиктовала инструкции.

Мурбелла приказала баши Азтин и половине ее эскадры остаться снаружи для охраны, а сама повела остальные двадцать кораблей к судну, чтобы посмотреть на уцелевших после страшной, по всей видимости, схватки.

Когда Мурбелла и ее люди вступили на борт корабля, их встретили тринадцать изможденных женщин в цветных трико. У многих еще не зажили кровоподтеки и раны, некоторые были забинтованы.

Левая рука женщины с колючим взглядом была в лонгете. Подозрительная Мурбелла подумала, не прячет ли женщина в лонгете оружие, но потом решила, что это маловероятно – Досточтимые Матроны считают оружием только собственное тело. Она злобно смотрела на Мурбеллу и ее команду – одни женщины были одеты как сестры Бинэ Гессерит, другие как Досточтимые Матроны.

– Вы выглядите как-то странно, – произнесла капитан, в глазах ее появились оранжевые огоньки.

– А вы выглядите побитыми, – огрызнулась Мурбелла. Досточтимые Матроны реагируют на силу лучше, чем на ласку. – Кто вас побил?

Женщина ответила с нескрываемым презрением:

– Конечно, Враг. Враг, преследующий нас уже много столетий, Враг, заражавший нас болезнями, уничтожавший наши планеты. – На лице ее появилась скептическая мина. – Если вы этого не знаете, вы не Досточтимые Матроны.

– Мы знаем о Враге, но мы уже давно в Старой Империи. Многое изменилось за это время.

– И, очевидно, многое забылось! Вы выглядите очень изнеженными и слабыми, но мы знаем, что Враг где-то здесь, в этом секторе. Мы исследовали его, насколько позволяли повреждения, и обнаружили несколько сожженных планет.

Мурбелла не стала поправлять ее, она не сказала капитану, что эти планеты – несомненно, тлейлаксу или Бинэ Гессерит – были уничтожены самими Досточтимыми Матронами, а не Внешним Врагом.

Мурбелла осторожно сделала шаг вперед. Интересно, эти тринадцать человек – все, что осталось от экипажа судна?

– Расскажи нам все, что ты знаешь о нашем общем Враге. Любая информация поможет нам подготовиться к обороне.

– К обороне? Невозможно защититься от непобедимого противника.

– Тем не менее мы постараемся.

– Никто не может устоять перед ними! Мы должны бежать, захватить какую-нибудь планету, пригодную для нашего выживания, и сделать это быстро, пока Враг не догнал нас. Вы должны это знать. – Она прищурила свои покрасневшие глаза. – Если вы, конечно, истинные Досточтимые Матроны. Я не знаю, кто вон те, в странной одежде, да и в тебе тоже есть что-то чужое... – Было такое впечатление, что она вот-вот презрительно сплюнет. – Мы знаем, что у Врага много лиц, и, возможно, вы – одно из них.

Досточтимые Матроны приняли боевую стойку и набросились на Мурбеллу и ее спутниц. Эти явившиеся издалека Досточтимые Матроны не знали о высочайшем боевом искусстве, созданном в Новом Ордене сестер, к тому же они были утомлены и ранены. Но отчаяние придавало им сил и подогревало ненависть.

Последовала кровавая схватка. Четыре спутницы Мурбеллы мертвыми лежали на палубе, но остальные убили всех Досточтимых Матрон экипажа за исключением капитана.

Когда ей стало ясно, что все ее женщины убиты, предводительница рванулась из шлюза к лифту. Сестры Бинэ Гессерит, сопровождавшие Мурбеллу, были поражены.

– Это же трусость!

Но Мурбелла уже бежала к лифту.

– Это не трусость. Она побежала на мостик. Она хочет уничтожить корабль, пока он не попал к нам в руки!

Ближайшая лифтовая шахта была повреждена, лифт не работал. Мурбелла и несколько ее женщин быстро нашли вторую шахту, и второй лифт стремительно понес их на мостик, в командирскую рубку. Капитан могла легко уничтожить все бортовые документы и взорвать двигатели (если, конечно, системы корабля были еще способны выполнить команду о саморазрушении). Но никто не мог знать, насколько исправны бортовые системы.

К тому времени, когда Мурбелла с тремя помощницами ворвалась в рубку, капитан уже крушила панели управления голыми руками, она делала это с такой силой, что пальцы уже были разбиты в кровь. Из дымящихся панелей летели снопы искр, стоял треск от множества коротких замыканий. Мурбелла бросилась вперед, схватила женщину за плечи и отбросила ее от панели управления. Капитан кинулась назад, но тогда Мурбелла автоматически одним ударом сломала ей шею. Времени на неспешный допрос не было.

Дория подбежала к панели управления первой и голыми руками сорвала с креплений всю консоль. После этого она, нахмурившись, посмотрела на дымящиеся панели, понимая, что остановить начавшийся процесс саморазрушения корабля она уже не сможет. Механические огнетушители загасили электрическое пламя.

Инженеры Бинэ Гессерит принялись быстро изучать приборы, а Мурбелла ждала, опасаясь, что корабль вот-вот может взорваться. Одна из сестер подняла голову.

– Процесс саморазрушения корабля успешно остановлен. Большая часть документов уничтожена капитаном, но мне удалось найти набор координат места, расположенного за пределами Старой Империи, – именно там находился этот корабль до прибытия сюда.

Мурбелла на мгновение задумалась.

– Мы должны как можно больше узнать о том, что с ними произошло. – Эта тайна не давала ей покоя многие годы. – Я направлю разведчиков, чтобы они прочесали маршрут этого корабля. Теперь никто не посмеет говорить, что я вообразила Врага, грозящего нам. Если Враг наступает, то мы должны знать об этом.

Досточтимые Матроны по непонятной наивности думают, что заблудшие и порабощенные тлейлаксу сохраняют им верность. В действительности же многие тлейлаксу в Рассеянии вынашивают свои собственные планы. Как лицеделы, мы можем и должны расстроить их интриги.

Хрон. Послание лицеделам

Даже по меркам заблудших тлейлаксу, лаборатория, восстановленная на руинах Бандалонга, была невероятно примитивной. В распоряжении Уксталя было лишь самое основное оборудование, собранное с бору по сосенке в лабораториях старых мастеров, к тому же впервые Уксталь самостоятельно должен был выполнить столь грандиозную работу. Но он не осмелился ни единым жестом показать Досточтимым Матронам и лицеделам, что задача может оказаться ему не по силам.

Ассистенты, назначенные ему Досточтимыми Матронами, были абсолютно бесполезны – слабовольные простолюдины, сексуально порабощенные беспощадными женщинами. Ни один из этих помощников не обладал специальными знаниями или навыками. Сообразительные Досточтимые Матроны уже, правда, убили одного из этих жалких людишек за какое-то скорее всего воображаемое преступление, но присланный на замену обладал не большими талантами.

Уксталь изо всех сил старался не выказывать терзавшую его тревогу, стараясь выглядеть всезнающим, хотя он и сам многого не умел. Хрон приказал маленькому человечку подчиняться лицеделам, а лицеделы приказывали ему делать то, что велили им Досточтимые Матроны. Уксталь очень хотел бы лучше понимать, что происходит вокруг него. Заключили ли лицеделы союз с жестокими шлюхами? Или это был лишь ловкий многоходовой трюк, дымовая завеса, за которой скрывалось что-то неведомое? Уксталь недовольно покачал болевшей от дум головой. Древние писания предупреждали о невозможности служить двум господам сразу, но на собственной шкуре он понял это только теперь.

По ночам Уксталью оставалось на отдых всего лишь несколько часов, но даже когда удавалось прилечь, тревога не давала ему сомкнуть глаз и уснуть. Ему приходилось обманывать одновременно и Досточтимых Матрон, и лицеделов. Он вырастит нового гхола, как того требовал Хрон – Уксталь умеет это делать! – и попытается сделать основанную на адреналине замену специи для Досточтимых Матрон, воспользовавшись их собственной формулой. Однако производство настоящей специи было за пределами его даже теоретически мыслимых способностей.

Геллика сделала широкий жест – она снабдила Уксталя множеством женских тел для производства аксолотлевых чанов, и он уже создал один, правда, после первых трех неудачных попыток. Но ничего, пока все шло, в общем, неплохо. Учитывая низкое качество оборудования в примитивной лаборатории, для успеха пока будет вполне достаточно и этого. Теперь надо

было создать гхола и передать его Хрону, и тогда Хрон вознаградит его (во всяком случае, Уксталь очень на это надеялся).

К несчастью, это означало, что его испытания и муки будут продолжаться по меньшей мере ближайшие девять месяцев. Неясно, сможет ли он столько выдержать.

Подозревая, что вокруг одни только лицеделы, Уксталь стал выращивать ребенка из клеток, добытых из сломанной нуль-энтропийной капсулы одного старого Мастера. Но мало этого, Верховная Досточтимая Матрона каждый день недовольно справлялась, как идут дела с заменой меланжа. Женщина очень ревниво относилась к каждой секунде, которую Уксталь отрывал от работы над проектом Досточтимых Матрон. Охваченный страхом и измотанный, Уксталь был вынужден работать на удовлетворение обоих требований, хотя ни в том, ни в другом деле у него не было нужного опыта.

Как только неопознанный гхола был имплантирован в первую работающую природную емкость, Уксталь вплотную занялся изготовлением альтернативы специи. Так как шлюхи знали, как готовят это вещество, Уксталью для работы не требовалось озарения гением. Его задача состояла в том, чтобы наладить промышленный выпуск больших объемов требуемого вещества. Сами Досточтимые Матроны не желали ударить пальцем о палец ради производства.

Глядя сквозь непрозрачное снаружи стекло на серое небо, Уксталь чувствовал, что его душевное состояние мало чем отличается от обугленных безжизненных холмов, видневшихся в отдалении. Он не хотел оставаться здесь. Когда-нибудь он подумает о бегстве.

Рожденный и воспитанный в замкнутой религиозной среде, Уксталь очень плохо переносил господство женщин. У народа тлейлаксу женщин превращали в безмозглые фертильные утробы, как только особь достигала репродуктивного возраста. Воспроизводить потомство, то есть передавать генетическую информацию – таков был единственный смысл их существования. Досточтимые Матроны являли собой полную противоположность тому, что Уксталь считал правильным и благочестивым. Никто не знал происхождения и родословной шлюх, но, похоже, что склонность к насилию была у них врожденной.

Может быть, некоторые из глупых отступников-тлейлаксу специально вывели породу Досточтимых Матрон, чтобы те уничтожили ведьм Бинэ Гессерит, точно так же, как футары были выведены для того, чтобы охотиться на Досточтимых Матрон. Что, если эти искусственно созданные монстры в женском обличье вышли из-под контроля, а в результате произошло полное уничтожение священных планет, порабощение горстки заблудших тлейлаксу? В результате все полетело в тартарары.

Вот и сейчас, стараясь выглядеть полномочным руководителем, Уксталь прохаживался по лаборатории, наблюдая, как работают с емкостью, вынашивавшей гхола, два одетых в белые халаты ассистента.

Новый лабораторный модуль был только что доставлен на подвесных подъемниках. Новое крыло было в три раза больше первоначальной лаборатории, для его установки потребовалось снести забор фермера и отнять у него добрый кусок земли. Уксталь ожидал, что фермер будет возражать и навлечет на себя гнев Досточтимых Матрон, но когда увидел беднягу – кажется, его звали Гаксхар? – то понял, что тот безропотно перегнал своих слиней на соседний участок земли. Помимо этого женщины потребовали, чтобы он регулярно поставлял им свежее мясо своих животных, что фермер и делал – также безропотно. Уксталь испытывал странное удовлетворение, видя, что не один он абсолютно бесправен в Бандалонге.

В старом здании лаборатории женщинам вводили специальные лекарства, разрушающие лобные доли мозга и превращавшие их в безмозглые сосуды для вынашивания плодов. Откуда-то Уксталь слышал приглушенные вопли женщин, которых жестоко пытали, потому что *боль* (точнее говоря, адреналин, эндорфин и другие химические соединения тела) была главным ингредиентом специальной специи, которой так жадно домогались Досточтимые Матроны.

Верховная Матрона Геллика уже посетила новые помещения, чтобы полюбоваться их совершенством. «Наше предприятие будет готово, как только я соответствующим образом благословлю его». На Геллике было надето плотно облегающее золотисто-серебристое трико, выгодно подчеркивающие ее женские прелести, вкуче с обязательной накидкой и головным убором, похожим на корону, венчающую светлые волосы.

Уксталь не особенно интересовало, что она хотела сказать этой фразой. Всякий раз, когда Уксталь видел Верховную Матрону, ему стоило неимоверного труда скрыть отвращение, хотя, конечно, она замечала это по выражению его серого личика. Ради выживания он старался выкачивать нужную порцию страха, не слишком, впрочем, большую. Он не пресмыкался – во всяком случае, так он думал.

Когда из нового крыла раздался особенно сильный вопль, Геллика встала и вышла в то помещение лаборатории, где оплодотворенный бак лежал на хромированном столе. Геллике доставляло неизъяснимое удовольствие это зрелище громоздящейся на возвышении воняющей потом плоти. Верховная Матрона ткнула Уксталь в бок так, что он едва не потерял равновесие. Это был дружеский тычок, словно он был ее товарищем по оружию.

– Очень интересный способ обхождения с человеческим телом, ты не находишь? Очень подходит для женщин, которые не годятся ни на что другое.

Уксталь никогда не спрашивал, откуда доставляют женщин-доноров. Это было не его дело, и он не желал этого знать. Правда, тлейлаксу подозревал, что шлюхи захватили в плен несколько ненавистных им сестер Бинэ Гессерит. На это, конечно, было бы интересно посмотреть! Как раздутые емкости для плода эти женщины заняли подобающее им место, они стали орудием воспроизведения потомства. Идеал женщины-тлейлаксу...

Геллика недовольно скривилась, наблюдая, как два ассистента возятся с беременной плотью.

– Неужели этот проект важнее моего? Нам нужно лекарство – не медли!

Оба ассистента застыли на месте от страха. Поклонившись, Уксталь немедленно ответил:

– Конечно, нет, Верховная Матрона. Мы полны желания доставить вам это удовольствие.

– Мне – удовольствие? Что ты знаешь о моих удовольствиях? – Она склонилась над маленьким тщедушным человечком, в глазах ее сверкнул хищный огонь. – Я сомневаюсь, что у тебя хватит сил на эту работу. Все старые Мастера мертвы, они убиты за свои прошлые преступления. Не заставляй меня добавить и тебя к их числу.

Преступления? Уксталь не знал, какие преступления совершили старые Мастера-тлейлаксу, преступления, вызвавшие такую ненависть Досточтимых Матрон, что те решили истребить всех тлейлаксу.

– Я разбираюсь только в генетике, Верховная Матрона, но не в политике. – Он снова быстро поклонился и отступил на несколько шагов. – Я совершенно счастлив служить вам.

Геллика удивленно вскинула свои светлые брови.

– Твой жизненный жребий состоит только и исключительно в служении.

Когда прошлое вернется к нам во всей славе и боли, мы не будем знать, радостно ли встречать его или бежать.

Дункан Айдахо. «Больше, чем ментат»

Два вынашивающих аппарата в медицинском центре корабля-невидимки были недавно женщинами, сестрами Ордена Бинэ Гессерит. Добровольцы. Теперь от этих женщин остались

только их чрева, сами же сестры превратились в массу плоти с парализованными конечностями и угасшим разумом. Теперь это были живые матки, биологические фабрики по производству специ.

Тег не мог смотреть на них без содрогания. Воздух медицинского центра был пропитан запахом дезинфекции, фармакологических препаратов и горьким духом корицы.

В «Руководстве послушниц» было сказано: «Непреодолимая необходимость приводит к принятию решения». В первый же год их одиссеи Мастер-тлейлаксу открыл им секрет приготовления меланжа в аксолотлевых чанах. Зная, как высоки ставки, две женщины предложили себя на эту страшную роль. Сестры Бинэ Гессерит всегда делали то, что нужно, даже если речь шла о таком самопожертвовании.

Много лет назад, еще на Капитуле, Верховная Мать Одраде разрешила создание аксолотлевых чанов для собственных экспериментов Ордена сестер с гхола. Нашлись и добровольцы – женщины, которые не могли иначе послужить Ордену. Четырнадцать лет назад он, Майлс Тег, появился на свет из чрева одной из тех женщин.

«Сестры Бинэ Гессерит знают, как требовать от нас самопожертвования. Они делают так, что мы сами хотим его совершить». Тег победил великое множество врагов, пользуясь своим стратегическим гением и одерживая победу за победой ради целей Ордена сестер; гибель на Ракисе стала его последней жертвой.

Тег, не отрываясь, смотрел на аксолотлевые чаны – на этих *женщин*. Эти сестры тоже пожертвовали своими жизнями, хотя и необычным путем. Теперь благодаря Скитале и его тайным нуль-энтропийным капсулам Бинэ Гессерит и Шиане были нужны новые чаны.

Когда врачи Сукк принялись изучать содержимое нуль-энтропийной капсулы, они обнаружили там также и клетки лицеделов, что немедленно возбудило подозрения относительно Мастера. Сам Скитале отчаянно настаивал на том, что процесс можно полностью контролировать, что можно выбрать только тех индивидов, которых надо возродить в виде гхола. Жизнь Скитале клонилась к закату, и маленький Мастер перестал торговаться. В момент своей полной незащитности он рассказал, как отличить от других клетки лицеделов.

После этого он снова попросил вырастить собственного гхола, пока не стало слишком поздно.

Теперь Шиана шла рядом с ним по медицинскому центру. Расправив плечи и выпрямив спину, она надменно взглянула на Скитале. Мастер-тлейлаксу пока еще не вполне освоился со своей свободой. Здесь, в медицинском центре, он сильно нервничал, чувствуя свою вину за то, что рассказал чужакам все, абсолютно все. Он предал свое учение, он открыл все и теперь не мог контролировать ситуацию.

– Оптимально будет изготовить еще три чана, – буднично, словно о погоде говорил Скиталь. – В противном случае выращивание группы гхола займет очень много времени, если делать это по очереди, выращивание каждого займет девять месяцев, не меньше.

– Я уверена, что мы найдем нужное число добровольцев, – холодно ответила Шиана.

– Если мы начнем эту программу, то мой гхола должен быть первым. – Скитале перевел взгляд с одного бледного чана из человеческой плоти на другой, словно ученый, рассматривающий пробирки. – Мне гхола нужен больше, чем остальным.

– Нет, – отрезала Шиана, – сначала мы должны удостовериться в том, что ты говоришь правду и что эти клетки действительно принадлежат тем людям, о которых ты рассказал.

Маленький человечек скорчил недовольную гримасу и посмотрел на Тега, словно ища поддержки у человека, ценившего превыше всего честь и верность.

– Вы же знаете, что генетические свойства клеток были проверены. Библиотеки геномов и хромосомные последовательности были сравнены с тем клеточным материалом, который я вам предоставил.

– Даже просеять эти клетки и выбрать первого кандидата – уже трудная задача, – прагматично возразила Шиана. Все идентифицированные клетки были отделены и заперты в отсеках генетической библиотеки, возле ящиков была выставлена охрана, чтобы никто не смог их подменить. – Ваш народ слишком возгордился из-за украденных им еще во времена Батлерианского джихада клеток.

– Мы *получили* их. У моего народа не было такой селекционной программы, как у вас, но мы тоже прослеживали родословную Атрейдесов. Мы понимали, что вот-вот грянут великие события, мы понимали также, что ваши многовековые исследования и поиск сверхчеловека Квизац Хадерача должны принести плоды приблизительно в эпоху Муад'Дибана.

– Так как же вы получили все эти клетки? – спросил Тег.

– В течение многих тысячелетий рабочие-тлейлаксу были торговцами мертвыми телами. Это занятие можно было считать нечистым и презренным, но зато мы получили беспрецедентный доступ к генетическому материалу. Если труп еще не полностью разложился, то из него очень просто добыть пробу клеток, для этого надо сделать всего пару соскобов кожи.

В свои четырнадцать лет Тег был долговязым и неуклюжим, со временем обещая стать высоким представительным мужчиной. Голос его иногда срывался, но мышление и память у него были как у пожилого человека. Он произнес ни к кому не обращаясь, но явно в расчете на то, что его услышит Шиана:

– Я хотел бы познакомиться с Муад'Дибом и его матерью, леди Джессикой.

– Это только начало того, что я вам предложил, – сказал Скиталь, направив пылающий взор на Шиану. – И вы согласились на мои условия, Преподобная Мать.

– Ты получишь своего гхола, но я не склонна спешить.

Похожий на эльфа человечек закусил нижнюю губу своими мелкими острыми зубками.

– Жизнь проходит неумолимо. Мне нужно время, чтобы вырастить гхола Скитале и воспитать его, чтобы оживить его память.

Шиана решительно взмахнула рукой.

– Ты сам говорил, что тебе осталось не меньше десяти лет, возможно, даже пятнадцати. Ты получишь самую совершенную медицинскую помощь. Наши врачи будут тщательно следить за твоим здоровьем. Наш Раввин – бывший врач Сукк, если ты возражаешь против того, чтобы тебя лечили женщины. За это время мы окончательно проверим клетки, которые ты передал нам.

– Именно поэтому вам потребуются три новых чана! Процесс преобразования организмов займет несколько месяцев, потом последует имплантация эмбриона, потом вынашивание. Нам потребуется проведение множества анализов и проб. Чем раньше мы вырастим достаточно гхола, чтобы рассеять ваши подозрения, тем раньше вы убедитесь, что я говорю правду.

– И тем раньше ты получишь своего гхола, – добавил Тег. Он пристально посмотрел на аксолотлевые чаны, и смотрел до тех пор, пока не смог восстановить в воображении реальные черты женщин, которыми были эти безобразные создания до того, как начался отвратительный процесс превращения женщин с душой и разумом в гипертрофированные матки. Они жили когда-то своей жизнью, у них были мечты и устремления, были люди, которые их любили. Но когда Орден сестер объявил о своих нуждах, они пожертвовали собой без колебания.

Тег знал, что Шиане стоит только спросить. Новые добровольцы сочтут за честь дать жизнь героям легендарных времен Дюны.

Мы – источник выживания человечества.

Командующая Мать Мурбелла

Разведчицы Мурбеллы вернулись из полета в место, указанное в координатах, добытых на разбитом корабле Досточтимой Матроны, бледные как смерть. Побывав в очень отдаленном уголке Вселенной, далеко за пределами известного им Рассеяния, они обнаружили свидетельства массовой резни.

Получив от разведчиц записи, Мурбелла просмотрела их в своем личном кабинете вместе с Беллондой, Дорией и старой Матерью-Архивариусом Аккадией.

– Они были полностью вырезаны, перебиты, – докладывала разведчица, молодая и энергичная бывшая Досточтимая Матрона Кирия. – И это при всей их воинской сноровке и склонности к насилию... – Она сама не верила ни тому, что говорила, ни тому, что видела собственными глазами. Кирия вставила шигафибр в проектор, и в середине кабинета появилось голографическое изображение. – Смотрите сами.

Неизвестная планета, превращенная в обугленную братскую могилу, очевидно, была центром колонии бывшей Досточтимой Матроны, на планете остались руины десятков городов с характерной планировкой. Все жители были мертвы, строения сожжены, центры превращены в оплавленные кратеры, космопорты лежали в развалинах, а атмосфера была напитана гарью и ядовитыми испарениями.

– Но это еще хуже. Смотрите. – Волнуясь, Кирия переключила изображение, и стало видно космическое поле битвы. В орбитальной зоне носились тысячи разбитых и изуродованных тяжеловооруженных военных судов. Ощетинившиеся орудиями с пусковыми установками, это были крупные боевые корабли Досточтимых Матрон – все эти суда были уничтожены и выведены из строя, превратившись в летающий по орбите железный хлам. – Мы просканировали обломки, Командующая Мать. По всем параметрам это были такие же суда, как то, которое мы встретили здесь. Кораблей других типов мы не нашли. Это просто невероятно!

– И что все это может значить? – спросила Беллонда.

Кирия вспыхнула.

– Это означает, что Досточтимые Матроны были уничтожены – тысячи их лучших боевых кораблей – *и при этом, сами они не смогли вывести из строя ни один корабль противника. Ни один!* – Молодая женщина стукнула кулаком по столу.

– Если, конечно, Враг не вывез обломки поврежденных кораблей, чтобы не выдать секрет их производства, – сказала Аккадия, хотя такое объяснение не выглядело слишком правдоподобным.

– Вы не нашли никаких предметов, которые говорили бы о природе Врага? Или каких-либо материалов о самих Досточтимых Матронах? – Мурбелла изо всех сил старалась проникнуть в глубины Другой Памяти, пытаясь добраться до воспоминаний о древних временах Досточтимых Матрон, но наткнулась только на тайны и тупики. В том, что касалось Бинэ Гессерит, она могла проследить линии жизней до Древней Земли, но в линии происхождения Досточтимых Матрон царила непроглядная тьма.

– Я собрала достаточно свидетельств, и все они просто устрашают, – ответила Кирия. – Это сила, противостоять которой мы не в состоянии, не говоря уже о том, чтобы ее победить. Если были убиты все Досточтимые Матроны, то что ожидает Новый Орден сестер?

– Надежда есть всегда, – не очень убедительно произнесла Аккадия, повторяя старую банальность.

– Это уже не только предупреждение, это сигнал к действию, – сказала Мурбелла. Она окинула взглядом своих советниц. – Я созываю общее собрание.

Со всей планеты на собрание были приглашены тысячи сестер, поэтому зал собраний пришлось переоборудовать. Трон Командующей Матери и все символы ее власти были убраны; скоро смысл этого изменения должен был стать ясным для всех. Мурбелла приказала закрасить все фрески и орнаменты на стенах и на потолке, чтобы огромный зал приобрел утилитарный, строгий вид. Это был знак сосредоточиться на насущном и неотложном.

Без всякого объяснения из глубин Другой Памяти Одраде напомнила Мурбелле древнюю аксиому Бинэ Гессерит: *«Вся жизнь – это последовательность незначительных на первый взгляд задач и решений, кульминацией которых становится определение черт личности и ее жизненной цели»*. За этим изречением последовало другое: *«Каждая сестра – часть единого организма, жизнь в другой жизни»*.

Вспомнив о раздорах, которые кипели между фракциями даже здесь, на Капитуле, Мурбелла поняла, что имела в виду Одраде. «Если наши сестры убивают друг друга, то умирает нечто большее, чем конкретный человек».

За вчерашним ужином началась драка, в результате которой одна сестра Бинэ Гессерит была убита, а Досточтимая Матрона впала в глубокую кому. Мурбелла решила превратить ее в аксолотлевый чан, но даже эта крутая мера была неадекватным наказанием за щенячье упорство.

Меряя шагами зал, Мурбелла старалась вспомнить все, что ей удалось добиться за прошедшие после насильственного слияния фракций четыре года. Ей самой потребовались годы и годы для того, чтобы коренным образом измениться, принять суть учения Ордена сестер и разглядеть пороки и изъяны в насильственных методах Досточтимых Матрон, мелкость их краткосрочных сиюминутных целей.

Когда Мурбелла была захвачена в плен сестрами Бинэ Гессерит, она долго наивно полагала, что ее сила и боевая сноровка возьмут верх над умениями и способностями ведьм. Сначала она лелеяла планы разрушения Ордена сестер изнутри, но чем глубже знакомилась она со знаниями и философией Бинэ Гессерит, тем больше начинала понимать – и ненавидеть – свою прежнюю организацию. Мурбелла стала первой из обращенных, первым гибридом Досточтимой Матроны и сестры Бинэ Гессерит...

Утром в день собрания представительницы двух фракций заняли свои заранее помеченные места, темно-зеленые подушки, разложенные на полу концентрическими окружностями – как лепестки распускающегося цветка. Командующая Мать расположилась среди сестер, а не на возвышении, как обычно. На Мурбелле был надет простой черный костюм, не стесняющий движений, но без красочной накидки и ярких украшений, которые обычно предпочитали Досточтимые Матроны. В то же время Мурбелла не стала надевать закрытое платье, которое обычно носили сестры Бинэ Гессерит.

Когда разномастно одетые представительницы заняли свои места, Мурбелла решила ввести единый кодекс одежды. Надо было сделать это год назад, после кровавой драки во дворе, в которой погибли несколько послушниц. Сегодня, спустя четыре года, эти женщины все еще вполне осознавали принадлежность к разным организациям. Не будет больше никаких поясков, никаких пестрых цветов или накидок, никаких развевающихся черных платьев. Отныне все будут носить черные костюмы, все, без исключения.

Обеим сторонам придется смириться с изменением. Никакого компромисса, только синтез и полное слияние. Компромиссы порождают лишь неприемлемое и слабое среднее; напротив, обе стороны должны взять друг у друга лучшее и отбросить остальное.

Остро чувствуя почти физическое беспокойство присутствующих, Мурбелла привстала на коленях и сверху вниз посмотрела на своих женщин. Она уже слышала, что продолжается бегство бывших Досточтимых Матрон в северные районы, где укрываются мятежницы. Были и другие слухи – весьма похожие на правду – что очень многие присоединяются к обосновав-

шейся на Глейлаксе Досточтимой Матроне Геллике. В свете того, что они теперь знают о Враге, такое распыление сил нельзя больше терпеть.

Она понимала, что большинство сестер будет возражать против планируемых ею нововведений. Они и так недовольны потрясениями, которые она причиняла им в прошлом. В этот отрезвляющий момент она даже сравнила себя с Юлием Цезарем, который, стоя перед сенатом, предлагал фундаментальные реформы ради вящей выгоды Римской империи. Сенаторы проголосовали своими кинжалами.

Прежде чем начать речь, Мурбелла выполнила дыхательное упражнение по системе Бинэ Гессерит, чтобы успокоиться. Внезапно она ощутила, что в зале произошла какая-то перемена, это было нечто неосоздаемое. Прищуриль глаза, она стала присматриваться к деталям, к тому, как вели себя сидевшие и стоявшие в зале женщины.

Активировав взмахом руки акустическую систему зала, Мурбелла заговорила в микрофон, спустившийся с потолка на уровень ее лица.

– Я не похожа на прежних вождей Ордена сестер или Досточтимых Матрон. У меня нет намерения ублажать всех, я должна и хочу выковать армию, имеющую шанс – пусть даже минимальный – обеспечить выживание. Наше с вами выживание. Мы не можем позволить себе тратить время на постепенные изменения.

– Зачем нам вообще нужны изменения? – прорычала одна из Досточтимых Матрон. – Я не вижу, чтобы эти изменения приносили нам какую-то пользу.

– Это оттого, что вы не умеете видеть. Когда вы откроете глаза? Или так и будете всю жизнь радоваться своей слепоте?

Глаза женщины сверкнули, правда, в них не плясали оранжевые огоньки, так как давно уже не было адреналиновой замены специ.

За спиной своей оппонентки Мурбелла заметила какую-то опоздавшую сестру Бинэ Гессерит. Она шла по узкому проходу, напряженно оглядываясь, словно ища свободное место. Но у каждой приглашенной было заранее предназначенное для нее место. Опоздавшая не должна была так себя вести.

Глядя боковым зрением и не прерывая речь, Мурбелла не подала вида, что замечает явное нарушение. У женщины были темные волосы и высокие скулы. Лицо ее было незнакомо Мурбелле. «Похоже, я ее не знаю».

Мурбелла продолжала смотреть прямо перед собой, но мысленно считала секунды, оставшиеся до того момента, когда опоздавшая приблизится к ней вплотную. Потом, не оглянувшись, отпустив на волю рефлекс, воспитанные Досточтимыми Матронами и сестрами Бинэ Гессерит, Мурбелла взвилась в воздух. С молниеносной скоростью она на лету извернулась и оказалась лицом к лицу с женщиной. Еще до того, как ее ступни успели коснуться пола, Мурбелла резко прогнулась назад, как раз в тот момент, когда нападавшая сделала неумовимое движение, достав что-то из кармана платья и сделав стремительный выпад. Мелькнуло что-то молочно-белое и острое как бритва – древний крик!

Мурбелла отключила мышление, положившись на мышечные рефлекс. Она нырнула, избегая соприкосновения с клинком, защитилась ладонью, нанесла ей удар и сделала захват, сжав запястье женщины. Тонкая кость хрустнула, как сломанная сухая ветка. Пальцы убийцы разжались, и кинжал начал падать, причем падение его казалось таким медленным, словно это было невесомое перышко. Когда женщина подняла вторую руку для следующего удара, Мурбелла, не раздумывая, нанесла удар в горло, сломав противнице гортань и не дав нападавшей даже вскрикнуть.

Противница Мурбеллы и криснож упали на пол одновременно, лезвие раскололось от удара о каменный пол. Какой-то отдаленной частью сознания Мурбелла с радостью отметила, что сестры и Досточтимые Матроны повскакали со своих мест, чтобы броситься на помощь Командующей Матери, если в зале окажутся другие убийцы. В их порыве было что-то искрен-

нее и неподдельное, она поняла это, точно так же, как разглядела коварство несколько секунд назад.

Беллонда и жилистая Дория одновременно бросились к нападавшей и прижали ее к полу. *Сейчас* они обе действовали заодно! Оставшись стоять, Мурбелла быстро оглядела присутствующих, вглядываясь в лица, чтобы убедиться, что здесь нет больше предателей и что угроза миновала.

Пока убийца-одиночка извивалась в судорогах, то ли стараясь отдышаться, то ли стремясь заставить себя умереть, Беллонда нажатием на гортань открыла ей дыхательные пути, чтобы сохранить жизнь. Дория звала врача.

Сломанный крис валялся рядом с бившейся в судорогах женщиной. Мурбелла посмотрела на него и все поняла. Традиционное оружие... древний способ устранения политического противника. Символизм действия был ясен.

Мурбелла прибегла к Голосу, надеясь, что раненая женщина окажется слишком слаба, чтобы сопротивляться ее приказу.

– Кто ты? Говори!

Женщина с трудом заговорила хриплым прерывающимся голосом. Но она была рада отвечать, не скрывая своей ненависти.

– Я – твоё будущее. Другие, такие же, как я, настигнут тебя из тени, спрыгнут на тебя с потолка, появятся из воздуха. Одна из нас убьёт тебя!

– За что вы хотите меня убить? – Присутствовавшие в зале сестры притихли, стараясь расслышать слова нападавшей.

– За то, что ты сделала с Орденом сестер. – Женщина с трудом повернула голову и взглянула на Дорию, как воплощение Досточтимой Матроны. Если бы у покушавшейся были силы, она бы плюнула. – Как Командующая Мать, ты распустила слухи о Враге, но пригрела на груди реальных врагов. Как же ты глупа!

Мрачно поморщившись, Беллонда, воспользовавшись своими ментатскими способностями, назвала имя неудавшейся убийцы.

– Это сестра Осафа Храм. Она работает в саду, прибыла откуда-то из провинции.

«Меня пыталась убить сестра Бинэ Гессерит». Да, теперь это была не обуреваемая жадой власти Досточтимая Матрона, желавшая занять место Мурбеллы.

– Шиана была права, что бежала отсюда... но она оставила всех нас гнить здесь! – Посмотрев на сестер и бросив на Мурбеллу прощальный, исполненный ненависти взгляд, Осафа Храм набралась мужества и усилием воли заставила себя умереть.

Когда у убийцы началась агония, Мурбелла крикнула:

– Беллонда, пусть она поделится с тобой! Мы должны понять, что она знает! Насколько обширен этот заговор?

Преподобная Мать действовала с неожиданной для ее комплекции сноровкой и быстротой, она обхватила руками виски умирающей и прижалась к ее лбу своим.

– Она не хочет отдать мне даже свой последний вздох! Она блокировала поток мыслей! – Беллонда вздрогнула и отстранилась. – Она умерла.

Дория склонилась над умершей и скорчила презрительную гримасу.

– Вы только понюхайте – наркотик, и много!.. Она сделала все, чтобы блокировать даже механический зонд, с помощью которого можно было бы добраться до ее мыслей.

Среди сестер поднялся недовольный ропот. Мурбелла раздумывала, не подвергнуть ли ей всех присутствующих испытанию с узнающей правду. Всю тысячу! Но если эта сестра пыталась убить Командующую Мать, то можно ли доверять узнающей правду?

Приведя в порядок мысли, Мурбелла махнула рукой, указывая на мертвое тело, распростертое на полу.

– Уберите это. Всем остальным занять свои места. Собрание – очень серьезное дело, мы и так уже выбились из распорядка.

– Мы с тобой, Командующая Мать! – воскликнула какая-то молодая женщина. Мурбелла не поняла, кто это был.

Дория вернулась на свое место, с уважением поглядывая на Мурбеллу. Некоторые из присутствовавших Досточтимых Матрон были искренне удивлены – некоторые не без самодовольства, некоторые не без возмущения – тем, что крис оказался в руках одной из кичившихся своим пацифизмом сестер Бинэ Гессерит.

Мурбелла бросила лишь один раздраженный взгляд вслед женщинам, уносившим мертвое тело.

– В прошлом мне пришлось отразить множество попыток покушения на меня. Мы собрались здесь для решения важных дел и поэтому должны раздавить всех мятежников среди нас, искоренить всякие следы наших прошлых конфликтов.

– Для этого нам нужна коллективная амнезия, – фыркнула Беллонда.

– И я заставляю вас забыть все, – с пылающим взором воскликнула Мурбелла, – невзирая на то, скольких из вас мне придется столкнуть лбами!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.